

НАУКА О ДРЕВНОСТИ И ТЕ, КТО ЕЕ ИЗУЧАЮТ

Anacharsis

1/1 (2026), 126–159

© The Author(s) 2026

Анахарсис

1/1 (2026), 126–159

© The Author(s) 2026

DOI: 10.32608/3033-9448-1-1-126-159

ЕЩЕ РАЗ ОБ ЭЛЛИНИЗМЕ (К ДИСКУССИИ ПОСЛЕДНИХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ)*

И.А. Ладынин

*Исторический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия;**Школа исторических наук, Факультет гуманитарных наук, НИУ ВШЭ,**Москва, Россия**E-mail: ladynin@mail.ru**ORCID : 0000-0002-8779-993X*

Аннотация: В статье рассматриваются суждения по проблеме определения понятия «эллинизм», высказанные в 2000–2020-х гг. отечественными исследователями (С.Ю. Сапрыкиным, И.Е. Суриковым, А.С. Балахванцевым, О.Л. Габелко, автором статьи и др.). Сформулированы вновь или подтверждены мнения о нефункциональности понятия «протоэллинизм» и, применительно к материалу Ближнего и Среднего Востока, понятия «предэллинизм», о значимости разочарования граждан полиса в его ценностях для наступления его кризиса, о принципиальной роли единой монархической традиции в интеграции эллинистического мира, об особенностях эллинизма на Востоке и принципах определения понятия «постэллинизм». В заключительной части статьи автор предлагает общую интерпретацию понятия «эллинизм» как обозначения совмещения в единой ойкумене после завоеваний Александра разнородных процессов: эволюции экономики, общества и государственности как Греции, так и Востока; кризиса греческого полиса в IV в. до н.э.; становления территориальных государств в Македонии, Понте и на Боспоре; мировоззренческого переворота «осевого времени». Данные процессы начались за несколько веков до наступления эллинизма, и значимым импульсом к ним стал переход на Ближнем и Среднем Востоке и в Средиземноморье к железному веку.

Ключевые слова: эллинизм, постэллинизм, Греция, Восток, социально-политическое развитие, мировоззрение, историография, дискуссия

ONCE AGAIN ON HELLENISM (ON THE DISCUSSION OF THE RECENT DECADES)

Ivan A. Ladynin

*Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;**School of History, Faculty of Humanities, NRU HSE, Moscow, Russia**E-mail: ladynin@mail.ru*

* *Данные об авторе.* Ладынин Иван Андреевич – доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; профессор Школы исторических наук, Факультета гуманитарных наук, НИУ ВШЭ.

Abstract: The article examines views on defining the concept of Hellenism, expressed in the 2000s–2020s by Russian researchers (S.Yu. Saprykin, I.E. Surikov, A.S. Balakhvantsev, O.L. Gabelko, the author of this article, and others). The article reiterates or confirms a number of points regarding the non-functionality of the concept of “Proto-Hellenism” and the concept of “Pre-Hellenism” as applied to the Near and Middle Eastern phenomena; the importance of the citizens’ disillusionment with the values of the polis for the onset of its crisis; the fundamental role of a unified monarchical tradition in the integration of the Hellenistic world; the peculiarities of Hellenism in the East; and the principles for defining the concept of “Post-Hellenism”. In the final part of the article, the author offers a general interpretation of the concept of Hellenism as a designation for a number of heterogeneous processes combined within a single oikumene, which was shaped by the conquests of Alexander. These processes are: the general evolution of economy, society, and statehood both in Greece and in the East; the crisis of the Greek polis in the 4th century B.C.; the formation of territorial states in Macedonia, Pontus, and the Bosphorus; and the worldview revolution of the “Axial Age”. These processes began several centuries before the onset of Hellenism, and a significant impetus for them was the transition of humanity in the Near and Middle East and the Mediterranean to the Iron Age.

Keywords: Hellenism, Post-Hellenism, Greece, the East, sociopolitical development, worldview, historiography, discussion

Научные мероприятия и публикации последних лет показывают, что вопрос об определении понятия «эллинизм» не перестает быть злободневным для отечественных антиковедов. Безусловно, импульс к обсуждению этого понятия был задан еще знаменитой дискуссией 1950-х гг., в ходе которой определение эллинизма как конкретно-исторического явления межкультурного синтеза, данное К.К. Зельиным, возобладало над определением уже ушедшего А.Б. Рановича как этапа в эволюции рабовладельческого способа производства¹. Стоит, однако, вспомнить, что англо-американская наука, внесшая колоссальный вклад в фактографическое изучение источников эллинизма, разумеется, используя это понятие, кажется, смогла обойтись без напряженных дискуссий о его значении². В некоторых случаях ее представители обращались к данному Эд. Мейером³ и развитому М.И. Ростовцевым⁴ определению эллинизма (вкуче с временем римского владычества в Средиземноморье) как этапа наивысшего развития товарно-денежных отношений в древнем мире («античного капитализма»), но либо

¹ Ranovich 1950, 10–38; Zel’in 1953; см. более подробную оценку позиций обоих авторов, в т.ч. историю выработки позиции А.Б. Рановича: Ladynin 2018, 185–187, 191–194; 2024b, 62–66, 71–76. См. теперь также подробную публикацию стенограммы дискуссии по вопросу о сущности эллинизма в июне 1953 г.: Saprykin 2024a, 261–382.

² См., например, его весьма описательное определение прежде всего как времени создания на Ближнем Востоке государств преемников Александра и распространения на этих территориях образа жизни греков, соприкасающихся с местным населением: Erskine 2003, 2–3.

³ Meyer 2022b, 208–215; Schneider 1990, 430–443; Klimov 2022, 64–65, 74–75.

⁴ Rostovtzeff 1941, vol. 3, 1134–1300; см. также более концентрированно: Rostovtzeff 2003.

принимали это определение как некую данность⁵, либо полемизировали с применимостью данных построений к конкретному материалу, не предлагая для эллинизма альтернативного теоретического определения⁶. В определенном смысле такой подход к понятию эллинизма оказывается сформулирован в известном пассаже У. Тарна: «термин “эллинизм” есть только “условная этикетка” для цивилизации трех веков, в течение которых греческая культура распространялась далеко за пределы своей родины; никакое общее определение не может полностью охватить этот процесс»⁷.

Между тем, на наш взгляд, истоки напряженного поиска смысла этого понятия среди исследователей отечественной школы лежат глубже, чем мы это сознаем. По сути дела, у дореволюционной российской науки было два теоретических основания, отталкиваясь от которых ее представители строили свою методологию: это позитивизм XIX в. и фактически противоположная ему по своим установкам философия Г.Ф. Гегеля. Позитивистами были, безусловно, «фактопоклонники» – последователи Ф.Ф. Соколова⁸: кстати, к поиску определения эллинизма, как, в общем, и к мейеровской схеме они были вполне равнодушны (по крайней мере до послереволюционного времени, когда, в частности, С.А. Жебелёву пришлось соотносить свои интерпретации с теоретическими моделями⁹). Вместе с тем сам автор термина «эллинизм» И.Г. Дройзен был, безусловно, гегельянцем, фактически отведшим данному понятию место в классической гегелевской триаде: от изначального варварского и жестокого состояния мировоззрения и религии людей Востока – через наложение на него в эпоху эллинизма греческих рационализма и гуманизма – к синтезу этих начал в появившихся по наступлении новой эры монотеистических религиях¹⁰. Едва ли Эд. Мейера можно назвать последователем Гегеля (скорее, в своих теоретических позициях он был близок неокантианству¹¹); и вместе с тем интенция Гегеля близко стремление построить всеобъемлющую схему всемирной истории, так что едва ли случайно, что для древности она была предложена именно в рамках немецкой историографии Мейером. Зависимость же от гегелевских интеллектуальных практик марксистского теоретического дискурса, в рамках

⁵ Проявлением этого можно считать приглашение именно Ростовцева к написанию глав о птолемеевском Египте и о государстве Селевкидов во флагманском издании англосаксонской науки о древности – «Кембриджской древней истории»: Rostovtzeff 1928a, b.

⁶ См. о восприятии подходов Ростовцева в европейской и американской науке: Andreau 1991; Zhmud 2021.

⁷ Tarn 1949, 20.

⁸ Kirillova 2020.

⁹ Мы имеем в виду не только известный эпизод интерпретации Жебелёвым сообщения херсонесского декрета в честь Диофанта о Савмаке (см. теперь Kirillova 2022), но и появление в его работах 1930-х гг. социально-экономической проблематики (Zhebelev 1934).

¹⁰ Droysen 1890–1893, I, 379–382.

¹¹ Meyer 2022a, 120–123.

которого строили свои интерпретации эллинизма как Ранович, так и Зельин, общеизвестна. Автор этой статьи сознает вполне необходимость и пользу выявления общих законов исторического развития¹² и, более того, серьезно удручен тем, что ряд его российских коллег равнодушен к такой задаче нашей науки или даже враждебен ей; и вместе с тем нельзя забывать, что стремление найти адекват в реальной жизни каждому общему термину, постулируемому при теоретическом поиске, – это другая крайность, которая была присуща Гегелю и давала повод для справедливой критики марксизма, но которая порой воспроизводится нами – по сути дела, бессознательно – и сегодня.

* * *

После этих общих слов позволим себе перейти непосредственно к современной дискуссии об эллинизме, участники которой, безусловно, ушли очень далеко от исходных тезисов А.Б. Рановича и К.К. Зельина. Весьма вероятно, что мы упустим некоторые нюансы позиций, которые были озвучены в ее ходе, но мы и не ставим задачу охарактеризовать их исчерпывающе, а остановимся на тех вопросах, которые кажутся нам принципиальными.

Пожалуй, «первой ласточкой» в этой новой дискуссии стала статья С.Ю. Сапрыкина, выросшая из его доклада на конференции в Киеве в мае 2007 г. и в следующем году опубликованная в сборнике в честь Э.Д. Фролова: в ней и в ряде последующих работ обсуждались вопрос о конечной хронологической границе эллинизма и о специфике тех структур Малой Азии и циркумпонтийского ареала, в которых можно усмотреть характерные для эллинизма черты в последние века до н.э. и первые века н.э.¹³ При этом самими этими чертами для ученого являются определенные экономические и политические структуры, а именно монархия, опирающаяся на царскую собственность на землю и на греческие города, распространению которых монархи содействовали; в свое время мы заметили, что, по-видимому, близким было понимание эллинизма у Е.М. Штаерман¹⁴. О.Л. Габелко в небольших статьях в сборниках конференций в Казани решил в отрицательном ключе вопрос о применимости понятий «предэллинизм» и «постэллинизм», а также обратился к судьбе полиса в эллинистическое время в контексте взглядов на этот вопрос И.Е. Сурикова¹⁵. Последний в ряде своих работ 2010-х и 2020-х гг. сформулировал свой взгляд на эллинизм как на явление прежде всего древнегреческой цивилизации и на переход к этому этапу от классики как на эволюцию сознания греков в направлении «от гражданина к подданному»¹⁶. Автор настоящей работы в одной

¹² Ladynin 2024b, 10–12.

¹³ Saprykin 2008; 2018; 2024a, 182–223; 2024b.

¹⁴ Ladynin 2018, 187–188; 2024b, 67–69; см. Shtaerman 1992.

¹⁵ Gabelko 2009; 2013; 2018,

¹⁶ Surikov 2014; 2015, 19–70; 2022; 2023.

из своих статей высказал мнение об эллинизме как о конкретной форме выхода древнегреческого полиса IV в. до н.э. из состояния его системного кризиса, основой для которой стал успех завоеваний Александра Великого и широкая экспансия македонян и греков на Восток¹⁷; заметим, что при этом мы практически не касались вопроса о сущности эллинизма на Востоке. Полемизируя с И.Е. Суриковым и автором настоящей работы, А.С. Балахванцев, напротив, высказал мнение, что эллинизм – это явление взаимодействия греческих и восточных элементов, проявившееся исключительно там, где присутствовали последние, т.е. на Востоке, прежде всего, в качественном росте и широкой монетизации его экономики, появлении на его территории трансформировавшегося полиса, становлении эллинистической монархии и сопутствовавшего ей династийного культа и в культурном синтезе¹⁸.

Как видно, один из этих вопросов касается исторических предпосылок эллинизма и самой сути его генезиса в последней трети IV в. до н.э. Мы уже имели случай отметить ненужность понятия «предэллинизм» для характеристики эволюции Ахеменидской державы до Александра: нет сомнения, что она укладывалась в общую тенденцию развития межрегиональных государств Ближнего и Среднего Востока, наметившуюся за полтысячелетия до этого, и употреблять в этой связи термин с корнем «эллин» означает только запутывать дело¹⁹. Не рискуем углубляться в проблему т.н. «протоэллинизма» в Боспорском царстве, которой должны заниматься специалисты по данному региону: скажем лишь, что на наш «внешний» взгляд позиция исследователей, считающих, что этот термин лишен реального содержания, выглядит более убедительной²⁰. Думается, что ситуацию на Боспоре V–IV вв. до н.э. вообще не стоит описывать при помощи каких-то общих для исторического процесса греческого мира определений (терминов «старшая тирания», «младшая тирания» или производных от понятия «эллинизм»), поскольку ранняя и сравнительно прочная интеграция этого региона должна во многом определяться его локальной спецификой – необходимостью взаимодействовать с негреческой периферией (ср. в этом смысле и ситуацию на Сицилии и в Великой Греции).

Вместе с тем применительно собственно к греческому миру понятие

¹⁷ Ladynin 2018; 2024b, 62–84 (публикация несколько расширенного варианта данной статьи).

¹⁸ Balakhvantsev 2020.

¹⁹ Ladynin 2004, 147–148; ср. Gabelko 2009, 173–174.

²⁰ См. подробный анализ высказывавшихся в связи с этим позиций: Sizov 2023. Готовя эту статью и просматривая новую литературу по этой проблеме, мы с удивлением заметили, что Ф.В. Шелов-Коведяев в своей недавней статье отнес нас к числу исследователей, которые «стараются ее (концепцию протоэллинизма на Боспоре – И.Л.) реабилитировать, включая ее проблематику в рассмотрение эллинизма» (Shelov-Kovedyaev 2025, 232–233). Дело в том, что в указанной при этом публикации (Ladynin 2018) слово «протоэллинизм» вообще отсутствует; впрочем, как мы еще увидим, у прочтения этой нашей статьи вообще нелегкая судьба.

«предэллинизм» счел совершенно оправданным (даже утверждая на первых порах его тождество с понятием «протоэллинизм»²¹), И.Е. Суриков²². Для него этот термин характеризует состояние древнегреческого общества в IV в. до н.э., когда, по его мнению, как уже было сказано, наметилась эволюция в мировоззрении людей в направлении «от гражданина к подданному». Это выразилось в проявлениях раболепия полисов по отношению к стоящим вне них правителям (в Афинах – к боспорским Спартокидам), в первых случаях обожествления людей (его историю Суриков ведет с почестей спартанскому флотоводцу Лисандру), терпимости к единоличной власти и даже ее апологии в публицистике. Кроме того, полис перестает быть закрытой гражданской общиной, и в нем деградирует институт народного суверенитета. Итогом становится фактическая утрата полисом своей «полноценности» – качества независимого государства и его встраивание в эпоху эллинизма в структуру эллинистических монархий (о такой новой политической форме, как надполисные «федерации», Суриков практически не говорит). При этом Суриков подчеркивает первостепенность именно мировоззренческого, духовного перелома в древнегреческом обществе, по сути, не раскрывая его предпосылок: разве что можно считать, что он это сделал, заметив в одном из своих очерков, что такая форма человеческого сообщества как полис – «произведение искусства, поражающее совершенством своего исполнения», «великолепная целостность», «постгосударство», – в принципе могло просуществовать очень недолго!²³ В свете этого закономерно мнение ученого, что и культура эллинизма однозначно уступает культуре классической Греции: «Это не дело вкуса, а объективная данность»²⁴.

Быть может, для сопоставления явлений культуры и искусства и посылить найти какие-то объективные критерии, однако оценку перехода Греции от классики к эллинизму явно надо начинать не с этого. Тем более удивительно, что исследователи, ставшие оппонентами И.Е. Сурикова, в общем, строят свою аргументацию на том, что не все стало так плохо в жизни полисов в эпоху эллинизма и не все было так хорошо в классической Греции. О.Л. Габелко подчеркивает, что «исторические судьбы полиса... были не столь уж безотрадными»²⁵

²¹ Surikov 2014, 96. В более поздней статье И.Е. Суриков пересмотрел свою позицию, указав, что «предэллинизм – это то, что имело место в Греции непосредственно ранее наступления эллинизма, то есть как раз на протяжении большей части IV в. до н.э. А протоэллинизмом в таком случае, очевидно, следует именовать время, когда совершались первые шаги в становлении эллинистических социумов» (Surikov 2022, 47). По смыслу такого определения «протоэллинизмом» пришлось бы, видимо, признать последнюю треть IV в. до н.э.; однако такое значение этого термина столь далеко от обычно присваиваемого ему в отечественной литературе в контексте истории Боспора и столь избыточно на фоне давно принятых обозначений «время Александра» и «эпоха диадохов», что лучше уж не употреблять его вовсе.

²² Surikov 2015, 19–71; 2022.

²³ Surikov 2010, 42.

²⁴ Surikov 2022, 50.

²⁵ Gabelko 2018, 187 (в месте, отмеченном нами отточием, стоит словосочетание «в эпоху

и приводит ряд примеров полисов, сохранивших в эпоху эллинизма независимость (в основном малоазийских), а также «славных деяний», которые они оставались способны совершать в это время²⁶. А.С. Балахванцев отчасти подхватывает последний аргумент и обращает внимание на совместимость и классического полиса не только с демократией, но и с олигархией и тиранией и на примеры зависимости полисов классической эпохи от более сильных среди них (правда, за исключением Афинской архэ, эти примеры относятся к уже упомянутым специфическим районам Боспора и Сицилии с Южной Италией)²⁷. Наконец, С.Ю. Сапрыкин оспаривает правомерность употребления Суриковым термина «протоэллинизм» (правда, на боспорском материале, на котором он был выдвинут, хотя Суриков его употреблял по-другому) и подробно показывает, что в IV в. до н.э. и в эпоху эллинизма полисы переживают не упадок (с ним Сапрыкин явно ассоциирует хорошо известное понятие кризиса полиса), а экономический подъем²⁸. Достоверность приведенных этими учеными фактов не вызывает сомнений, но в плане критики позиции Сурикова основанные на них аргументы во многом бьют мимо цели.

Думается, что оценку этой позиции стоит начать с выдвинутого ученым и воспроизводимого им слогана «от гражданина к подданному». Сам И.Е. Суриков не скрывает, что обязан этой формулировкой А.И. Павловской, применившей ее в своей статье к генезису эллинизма²⁹. Однако опосредованно эта формулировка восходит к названию главы Е.М. Штаерман в коллективной монографии «Культура древнего Рима», посвященной эволюции римской *civitas* от Республики к Империи³⁰, причем это название в свою очередь восходило к фразе С.Л. Утченко в одной из его монографий³¹. Мы уже говорили, что именно в этом контексте такая формулировка имеет смысл: Рим на протяжении своей истории вплоть до эдикта Каракаллы оставался, хотя бы формально, одной гражданской общиной, а власть принцепсов установилась именно в ее рамках, так что о членах этой общины можно сказать, что они действительно трансформировались из граждан в подданных. Примечательным образом, Павловская начинает разговор именно с римской *civitas*³²; далее она переходит к значению термина *οἱ ὑπήκοοι* как характеристики малых полисов классической эпохи,

демократии», однако, скорее всего, это ошибка, а стоять здесь должно было «в эпоху эллинизма»).

²⁶ Gabelko 2018, 187–188.

²⁷ Balakhvantsev 2020, 24–25.

²⁸ Saprykin 2024b, 370–374; неясно, почему автор статьи в начале указанного ее фрагмента объединил выводы И.Е. Сурикова с нашими, О.Л. Габелко и А.С. Балахванцева в некую единую позицию. Ср. также Saprykin 2024a, 198–203.

²⁹ Pavlovskaya 1998.

³⁰ Shtaerman 1985.

³¹ Utchenko 1977, 229.

³² Pavlovskaya 1998, 15–17.

зависимых от полисов-гегемонов³³, и лишь в конце работы, причем на уровне весьма общих формулировок, касается трансформации статуса граждан древнегреческих полисов в IV в. до н.э.³⁴ При этом на вопрос, происходило ли разложение гражданского статуса с началом эллинизма и даже в рамках Римской империи, Павловская дала в целом отрицательный ответ: «...едва ли там, где существовали полисы (и пока они существовали, в том числе в форме муниципия), можно проследить заверченный переход от “связей соучастия” к “связям подчинения”, так как гражданин прежде всего продолжал участвовать с теми или иными ограничениями в экономической и социально-политической жизни своего полиса и лишь как член гражданского коллектива подчинялся вышестоящей государственной власти»³⁵. Мы не уверены в полной справедливости этой формулировки по отношению к Риму, однако по отношению к эллинистическим царствам это безусловно верно: связь граждан находившихся на их территории полисов с царями, конечно, не была непосредственной, а посредовалась полисом, поэтому вряд ли ее можно назвать «подданством» в точном смысле слова³⁶. Особая ситуация складывалась в Египте, где полисов было мало; однако, во-первых, они все же и там были, включая такой огромный и значимый, как Александрия; во-вторых, связь с царем македонян и греков, живших вне полиса, посредовалась их причастностью к системе династийного культа Птолемеев, во многом копировавшей полисные культы и как бы конструировавшей своего рода «мегаобщину», охватывавшую весь Египет³⁷.

Весьма возможно, что И.Е. Суриков отвел бы эти наши рассуждения, сказав, что имеет в виду не подданство в формально-правовом смысле слова, а новое состояние мировоззрения, предполагавшее готовность прежнего гражданина принять верховную власть единоличного правителя и умалиться перед ним. Зная нашего коллегу и его отношение к явлению греческого полиса, охарактеризованное выше, мы рискуем обречь себя на его негодование, но все же зададим следующий вопрос, который может показаться парадоксальным не только ему: таким ли новым для граждан полиса было это состояние самоумаления и реальной несвободы? Со времени своего становления полисная идеология неизменно предписывала гражданам ставить свои интересы на второй план по сравнению с интересами общины: она обозначала ограничения их стремлению к обогащению и к личному успеху, зато провозглашала гибель на поле боя не просто необходимой жертвой, а высшим счастьем, к которому следовало стремиться. Классический афинский полис оставлял за собой право произвольным решением изгнать на долгий срок любого политического лидера без вины и учета его

³³ Pavlovskaya 1998, 18–24.

³⁴ Pavlovskaya 1998, 24–28.

³⁵ Pavlovskaya 1998, 28–29.

³⁶ См. на ярком примере государства Селевкидов: Bikerman 1985, 131–135.

³⁷ Ladynin 2016b, 276–293.

заслуг (наш коллега, чья докторская диссертация была посвящена институту остракизма³⁸, знает это лучше нас); спартанский полис мог потребовать от царя, не считаясь с его желанием, взять вторую жену (Hdt. V. 39–40). Ответ на вопрос, чья реальная зависимость была более тотальной – гражданина классического полиса, от которого тот требовал подобных самоограничений, или жителя эллинистического царства, от которого его монарх их, скорее всего, не потребовал бы, – кажется довольно очевидным. Таким ли уж переломом в мировоззрении греков, после векового опыта самоумаления перед полисом³⁹, должно было стать их самоумаление перед новыми, теперь персонализированными суверенами, когда таковые о себе заявили?

Вместе с тем мы уже заметили, что И.Е. Суриков вообще не комментирует объективные предпосылки того мировоззренческого изменения, о котором он говорит, и сводит практически непосредственно к нему суть явления, обозначаемого термином «кризис полиса». Между тем это едва ли оправданно. С.Ю. Сапрыкин справедливо отмечает как отсутствие в IV в. до н.э., в частности, в Афинах проблемы обезземеливания, так и подъем в это время экономики Греции на основе развития торговли, ремесла и кредитной сферы⁴⁰; однако, как указывал еще в 1950-е гг. О.В. Кудрявцев, такой прогресс не противоречит упадку в это время собственно институтов полиса⁴¹. На наш взгляд, ключ к пониманию сути кризиса полиса обнаруживается в суждении Г.А. Кошеленко о фундаментальном противоречии в жизни древних греков между началами полиса и города: если первое было в своих устоях аграрным и консервативным, то второе содержало в себе динамичное развитие⁴². Именно благодаря последнему мотивы деятельности, связанные с личными благополучием и выгодой, для получения которой открылись качественно новые возможности, затмили для греков IV в. до н.э. мотивы, связанные с интересами их полисов. Прямыми следствиями этого стали индифферентизм к участию в полисном ополчении и несению литургий, что породило некомпенсируемые финансовые проблемы⁴³. Можно сказать, что основа этого реального кризиса полиса была, в согласии с позицией И.Е. Сурикова, действительно мировоззренческой, «духовной», однако состояла она не столько в эволюции «от гражданина к подданному», сколько в конфликте мотиваций – гражданской и личной, – в которой первая безнадежно проиграла⁴⁴.

³⁸ Surikov 2006.

³⁹ См. теперь Ladynin 2024a, 64–68.

⁴⁰ См. наше прим. 28, а также Saprykin 2024a, 191, прим. 182.

⁴¹ Kudriavtsev 1957, 361–366.

⁴² Koshelenko 1983a, 26–30; 1983b, 237–246; ср. Frolov 2004, 54 («Парадокс греческой истории состоит в том, что основной ее тенденцией было непрерывное, хотя в общем малоуспешное, стремление к преодолению полиса»).

⁴³ Ladynin 2024a, 71–72.

⁴⁴ Невольно думается о такой отдаленной параллели, как нарастание знаменитого ощущения, что «так жить нельзя», в 1980-е гг., после 70-летнего (сопоставимого по

Мы полностью согласны с нашим коллегой в том, что суть трансформации полиса в начале эллинизма состоит в утрате им качества независимого государства (собственно, эту же мысль сформулировала весьма четко еще в 1993 г. Л.П. Маринович⁴⁵); однако причиной этого была не деградация гражданского сознания, а недостаточность в этой ситуации ресурсов отдельного полиса для ведения самостоятельной внешней политики. Сохранение рядом полисов формальной независимости в эпоху эллинизма не должно обманывать, поскольку они могли оказываться в фактической, в т.ч. ресурсной, зависимости от более крупных государств и не выдерживали военных противостояний с ними. Равным образом, не должно обманывать и то, что греческая классика знает примеры образования надполисных структур под властью более сильных полисов: дело не в самой возможности этого, а в том, что тогда нормой существования полиса, причем адекватной его «докризисному» состоянию, было именно качество независимого государства (в этом И.Е. Суриков, конечно, прав⁴⁶).

Следующая проблема, которую кажется необходимым затронуть, – это территориальные рамки того явления, которое мы обозначаем термином «эллинизм», и его специфика в разных ареалах (прежде всего, в таких несхожих, как Греция и Македония, с одной стороны, и эллинистический Восток – с другой). Значительная часть этой проблемы была сформулирована еще в 1990 г. Г.А. Косшеленко, отметившим, что «основной уязвимый пункт» концепции К.К. Зельина «определяется, в сущности, одним вопросом: являлись ли Греция и Македония частью эллинистического мира?»⁴⁷ Подходы участников нынешней дискуссии к решению этого вопроса основательно разнятся: если И.Е. Суриков вполне ожидаемо говорит об эллинизме как о явлении прежде всего древнегреческого общества, скорее «вынося за скобки» своих построений восточные структуры⁴⁸, то А.С. Балахванцев настаивает, что эллинизм существовал

длительности с «докризисной» историей греческого полиса высокой классики) существования советского государства. Примечательно, что само это ощущение сплошь и рядом соседствовало с верой в якобы погрязшие «ленинские принципы» строительства социализма, – как и для жертв кризисных явлений в жизни полисов IV в. до н.э. ориентиром их преодоления могла служить *πάτριος πολιτεία* (Koshelenko 1983a, 29). Предложенное нами сравнение, безусловно, неакадемическое, но, может быть, оно отражает закономерность разложения структур, которые кладут в основу своей этики не согласование, в меру возможности, интересов их членов, а подчинение этих интересов некоей идеологически мотивированной сверхзадаче, отождествленной с интересами социума в целом.

⁴⁵ Marinovich 1993, 212 («...Полис перестает быть субъектом истории и превращается в ее объект»).

⁴⁶ Surikov 2010, 21–23; 2014, 102–103; 2023, 95–96.

⁴⁷ Koshelenko 1990, 12–13.

⁴⁸ А.С. Балахванцев не вполне прав, когда говорит, что Сурикову свойственно «восприятие эллинизма в качестве этапа только древнегреческой истории» (Balakhvantsev 2020, 25). Как в указанных в связи с этим пассажах (Surikov 2014, 101), так и в более поздней публикации (Surikov 2022, 55–56) Игорь Евгеньевич скорее говорит о том, что закономерность наступления кризиса полиса, конкретной формой преодоления которого стал эллинизм, видна именно в

исключительно на Востоке, где объективно имелись условия для греко-восточного синтеза⁴⁹. Для С.Ю. Сапрыкина сущность эллинизма состоит, как кажется, прежде всего в продуктивном взаимодействии царской власти и контролируемой ею экономики с полисами, которое началось в результате деятельности Александра (строго говоря, на Востоке), но в принципе могло быть локализовано в очень разных регионах⁵⁰. О.Л. Габелко склонен видеть в эллинизме исключительное многообразие его конкретных форм, что в принципе справедливо, но определенным образом мешает выделить его сущностные черты (см. далее); однако, так или иначе, он исходит из его наличия как на Востоке, так и в Греции и Македонии.

Формулируя в связи с этим нашу позицию, отметим, что А.С. Балахванцев не вполне нас понял, сказав, что мы, вместе с И.Е. Суриковым, относим понятие «эллинизм» только к явлениям греческого мира⁵¹. Наша формулировка была несколько иной: «Термин “эллинизм” по самому его звучанию, а также по значению, которое вкладывал в него Дройзен, правомерно все же относить к истории именно эллинского мира, а к восточному миру – лишь поскольку его затронуло распространение эллинских институтов и культуры»⁵². Понятно, что последний процесс затронул все пространство от Средиземноморья до границ Индии, и мы, конечно, исходим из включения происходивших там процессов в понятие «эллинизм». Подчеркнем еще раз, что, говоря об эллинизме как о конкретной форме выхода полиса из его кризиса в IV в. до н.э., обозначившейся вследствие завоеваний Александра⁵³, мы создаем, что такая формулировка определяет значимость эллинизма только для *греческого мира*: только для него эллинизм оказался формой закономерного этапа, предопределенного эволюцией полиса, в то время как для Востока он был своего рода «колоссальной случайностью», состоявшейся вследствие успеха завоеваний Александра. Понятно, однако, что наше определение вовсе не противоположно признанию важнейшим компонентом эллинизма греко-восточного синтеза: напротив, его начало в эпоху Александра во многом определило облик этой конкретной формы завершения кризиса полиса, и мы убеждены, что этот процесс синтеза был локализован не

истории Греции, детерминантой которой была эволюция полиса, в то время как на Востоке такую обусловленность наступления эллинизма предшествующим развитием невозможно вычленишь. Окончательно Суриков расставляет акценты в своей позиции, указав, что обращается к истории эллинизма в контексте истории Греции в силу собственных научных интересов, не игнорируя существования эллинистического Востока и наличия там греко-восточного синтеза, но и не занимаясь этими сюжетами профессионально (Surikov 2023, 99).

⁴⁹ Balakhvantsev 2020, 27–28.

⁵⁰ Saprykin 2008, 225–233; 2020, 139–143, 145–146; 2024b.

⁵¹ Balakhvantsev 2020, 25, прим. 9.

⁵² Наш оппонент ориентируется на наше суждение в Ladynin 2018, 196; ср. несколько иную формулировку в Ladynin 2024a, 78.

⁵³ См. наше прим. 17; отметим, что в этом с нами согласен И.Е. Суриков (Surikov 2022, 54–56).

только на Востоке. Мы имеем в виду не только распространение в Средиземноморье, включая Грецию и Македонию, восточных культов (о котором, при всей его ограниченности, тоже не надо забывать⁵⁴), но в первую очередь формирование института эллинистической монархии. Если на Востоке и в Македонии он непосредственно сформировал государства, сложившиеся на протяжении эпохи диадохов, то в Греции он во всяком случае был признан полноценной политической формой, а ряд ее полисов оказались в прямой зависимости от таких монархий (например, союз несиотов в Южной Эгее – от Птолемеев⁵⁵). Основой этого института стоит считать традиционную монархию Македонии⁵⁶, однако в автократический режим ее превратил Александр, оформив свои амбиции при помощи рецепции персидской политической и египетской идеологической традиций⁵⁷. С этой точки зрения эллинистическую монархию стоит считать важнейшим синтезным явлением, заявившим о себе по всей греческой и ближневосточной ойкумене даже безразлично к тому, сложились ли в том или ином регионе также на основе восприятия восточной традиции формы династического культа⁵⁸. При этом на протяжении всего периода «высокого эллинизма» как Греция и Македония, так и Ближний и Средний Восток представляли собой единый в плане базовых установок политической традиции континуум: в его рамках существовали единые по своему генезису, восходящие к Александру институты монархии, признавали лидерство трех великих держав под властью этнически македонских династий (возможно, с признанием за ними особых, постоянных прав на земли их коренных доменов) и более низкий в иерархии статус малых царств, практиковалось регулирование отношений между ними при помощи династических браков⁵⁹. Аргумент А.С. Балахванцева, согласно которому, признавая интеграцию «в систему взаимодействий эллинистической ойкумены» Греции и

⁵⁴ Salditt-Trappmann 1970; Dunand 1973; Grandjean 1975; Pakkenen 1995, 47–63, 77–82 (о культе и мистериях Исида в Афинах); Giuman 1999 (о святилище Исида в Дионе в Македонии).

⁵⁵ Meadows 2013.

⁵⁶ Hammond 1989.

⁵⁷ Olbrycht 2010, 355–364; 2014; Ladynin 2016a.

⁵⁸ В этом нас опять же поддерживает И.Е. Суриков (Surikov 2022, 54–55); С.Ю. Сапрыкин резко возразил против его тезиса о «рецепции восточной монархии» в эпоху эллинизма, подчеркивая, что в Македонии эллинистическая монархия Антигонидов была основана преимущественно на локальных традициях (Saprykin 2024a, 188–190; 2024b, 371, 375). На наш взгляд, дело в первую очередь не в заимствовании эллинистическими монархиями конкретных восточных идеологических форм (в греко-македонской среде оно будет ограничено даже в восточных монархиях, включая и птолемеевский Египет с его исключительно последовательной и всеобъемлющей системой царского культа, и с этой точки зрения можно действительно поспорить об удачности употребленного Суриковым термина «рецепция»), а в качественной авторитаризации македонской царской власти со времени Александра, унаследованной и последующим временем, а также в изменении отношения к ней в греческом мире.

⁵⁹ Ladynin 2006; Gabelko 2005.

Македонии⁶⁰, пришлось бы признать и интеграцию в нее современных ей Рима и Парфии⁶¹, кажется неверным именно потому, что названные государства находились вне данного континуума.

Вместе с тем А.С. Балахванцев поднял чрезвычайно важный и, на наш взгляд, недостаточно обсуждаемый вопрос о специфике эпохи эллинизма на Востоке. Совершенно справедливо он уделит внимание «взрыву товарно-денежных отношений», который преобразует восточное общество с началом этого периода⁶². В принципе об этом в свое время говорил М.И. Ростовцев; однако значительно позже в советской науке появилось суждение И.М. Дьяконова о том, что города Ближнего Востока в I тыс. до н. э. остались в этом ареале единственной формой т.н. «общинно-частного сектора» экономики, уцелевшим от эпохи ранней древности благодаря выполняемой ими исключительно важной функции торговых артерий⁶³. Думается, что эта позиция классика нашего востоковедения сложилась не без влияния его старшего брата М.М. Дьяконова, который нюансировал ее весьма существенно: по его мнению, именно появившийся на Востоке греческий полис, автономия которого была шире, чем у традиционных городов, и при этом не подрывала лояльности его жителей царской власти, был оптимальной формой организации городской экономики, стимулировавшей предпринимательскую инициативу и, благодаря этому, широкие торговые связи и экономическую интеграцию регионов⁶⁴. С этой точки зрения распространение полисов на Ближнем и Среднем Востоке (прежде всего, в рамках государства Селевкидов эпохи высокого эллинизма) весьма логично встраивается в общий ход эволюции его общества, обозначившийся еще с начала железного века. Вместе с тем сложным и пока, на наш взгляд, не получившим сколько-нибудь объемлющего ответа является вопрос о том, что означало наступление эллинизма для самосознания и мировоззрения народов Востока. Несомненно, что поиск такого ответа должен предполагать обобщение наблюдений, выведенных специалистами по конкретным регионам; однако очевидно, что этот ответ не может свестись только к общим словам о межкультурном синтезе. Так, на наш взгляд, наблюдения над материалом Египта показывают, что наступление эллинизма характеризовалось там, с одной стороны, ощущением цивилизационного поражения, скомпенсировать которое была, в частности, призвана апология египетского прошлого в труде Манефона⁶⁵, а с другой стороны – децентрализацией религиозной и культурной жизни, в силу утраты такого скрепляющего

⁶⁰ Ladynin 2018, 187; 2024a, 65.

⁶¹ Balakhvantsev 2020, 28.

⁶² Balakhvantsev 2020, 26–28; см. в целом об экономике эллинизма: Archibald et al. 2011; о монетном обращении в восточных эллинистических царствах: Iossif, Lorber 2021.

⁶³ Diakonoff et al. 1989, v. 1, 50–51; v. 2, 17.

⁶⁴ Diakonoff 1961, 155–156.

⁶⁵ См., например Ladynin, Nemirovsky 2018.

ее стержня, как собственно египетская царская власть. Не менее сложные процессы должны были происходить в других регионах Востока, и выявление их специфики и общего и особенного в них представляется перспективной исследовательской задачей.

Наконец, третья серьезная проблема, обозначившаяся в ходе текущей дискуссии, – это вопрос о конечной хронологической границе явления, определяемого термином «эллинизм» и о наполнении в связи с этим довольно часто употребляемого понятия «постэллинизм». Более двадцати лет назад мы заметили, что в мировой науке его значение не конкретизируется⁶⁶, и, кажется, эта ситуация не изменилась. Вместе с тем в отечественной литературе определение этого понятия было сформулировано в хорошо известных монографиях начала 1990-х гг. об эллинизме Г.А. Кошеленко: «собственно эллинистический период» – это «период политического господства греко-македонян» на Востоке⁶⁷, т.е., по сути дела, период III – начала II вв. до н.э., часто обозначаемый как «высокий эллинизм»; напротив, «постэллинизм – это время, когда политическая власть греков уже уничтожена и к власти приходят господствующие слои местного населения», причем разница между этими двумя этапами состоит в том, что на первом из них «греки принадлежат к господствующему слою населения», отделенному от основной массы уроженцев Востока, и «существующие между ними социальные барьеры препятствуют культурному синтезу». Лишь когда это препятствие отпадает с установлением преобладания восточных народов на этапе постэллинизма, «происходит подлинный синтез культур»⁶⁸. Вводя понятие постэллинизма, Кошеленко в то же время признает эту эпоху особым этапом эллинизма в целом⁶⁹, а его начальная хронологическая граница, в общем, понятна: это, несомненно, десятилетия после Апамейского мира 188 г. до н.э., когда Парфия и Понтийское царство замещают государство Селевкидов в качестве ведущей силы в Малой Азии и на Ближнем и Среднем Востоке. О.Л. Габелко заметил, что построение Кошеленко, скорее всего, основано на известном ему парфянском материале, но не имеет универсальной силы, поскольку, например, в Малой Азии активный межкультурный синтез начался еще при Ахеменидах⁷⁰; к этому можно, кстати, добавить, что в таком районе активных распространения и рецепции восточной традиции, включая культы блаженных богов, как Египет, «господствующие слои местного населения» к власти вообще не пришли. С.Ю. Сапрыкин поставил во главу угла в определении понятия «постэллинизм» другой, прежде всего социально-экономический, критерий: «Постэллинизм – это очередной этап в развитии эллинизма в конкретную историческую эпоху, но

⁶⁶ Ladynin 2004, 148–149.

⁶⁷ Koshelenko 1990, 13.

⁶⁸ Gaibov, Koshelenko, Serditykh 1992, 31–32.

⁶⁹ Koshelenko 1990, 13.

⁷⁰ Gabelko 2013, 123.

не греко-македонского завоевания, а сначала в условиях преобладания Понтийского царства, а затем господства Рима и возвышения Парфянского государства. Однако эллинизм сохранял общие черты, хотя разнился в деталях в разных местах античной ойкумены. Но важно то, что он продолжал служить локомотивом развития античной цивилизации, ибо как постоянное и в то же время обновляемое явление сочетал в себе большую роль полисов как городских центров и царской, общинной и храмовой земельной собственности. На этом основывалась политическая надстройка – монархическая форма правления, а главное – на нем продолжал выстраиваться синтез и взаимодействие Востока и Запада в области экономики, политики и культуры»⁷¹. Если начало этого периода ученый определяет, по-видимому, так же, как и Кошеленко, то его финал он относит к непривычно позднему времени: по его мнению, существование и даже формирование структур, отвечающих этому определению, в циркумпонтийском регионе продолжается даже в первые века н. э.

Думается, О.Л. Габелко совершенно прав в том, что критерием постулирования понятия постэллинизма должно быть «вычленение “эллинистических” компонентов в государственности, социально-экономических отношениях, культуре и пр.»⁷², которые сохранились в неких новых по сравнению с «собственно эллинизмом» условиях (конкретно – под властью не греко-македонских династий). Однако в таком случае необходимо уяснить, что такое «старые условия», отвечающие «собственно эллинизму». Скорее всего, мы не придем ни к чему, кроме констатации, что это тот самый континуум политической традиции «высокого эллинизма», о котором мы сказали выше⁷³ и разложение которого, ввиду упадка его ведущих государств, отчетливо намечается вслед за Апамейским миром. Значимость этого рубежа, обозначившего, с одной стороны, выход Рима на политическую арену Востока, с другой – перспективу возвышения Парфии и Понта, никоим образом не следует преуменьшать. Соответственно, постэллинизм – это так или иначе «новые условия», сложившиеся после Апамейского мира. Однако пресловутое «вычленение “эллинистических” компонентов»

⁷¹ Saprykin 2024a, 221–222.

⁷² Gabelko 2013, 126.

⁷³ В связи с этим не согласимся с употреблением в процитированном пассаже С.Ю. Сапрыкина определения институтов этого политического континуума как «политической надстройки». Думается, что С.Ю. Сапрыкин в данном случае чисто механически воспроизвел термин, который советская историография всегда относила к политическим институтам, считая их производными от социально-экономического «базиса» общества (не будем в связи с этим загромождать текст цитатой из Маркса). Нет сомнения, что ученый сознает на самом деле базовое значение института эллинистической монархии, которую необходимо считать не просто политической формой, но органической и во многом структурообразующей частью обществ времени эллинизма. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить, например, фундаментальную роль царской власти в градоосновании и распространении полисов на территории Ближнего и Среднего Востока, да и в создании экономических структур, о которых подробно говорит Сапрыкин.

должно все же проводиться при более или менее ясном понимании, каковы они. С точки зрения С.Ю. Сапрыкина один из таких компонентов – это, как уже говорилось, взаимодействие царской власти и контролируемой ею экономики с полисами, при поощрении их и опоре на них со стороны царей. С этим можно согласиться, с той необходимой оговоркой, что такое взаимодействие наблюдалось далеко не везде; однако, пожалуй, этой оговоркой дело не ограничится. Так, Сапрыкин показывает, что во Фракии «с ее племенными традициями и пережитками самостийности племенных царьков и парадинастов» формирование централизованной государственной экономики по эллинистическому образцу не получилось, полисы на этой территории оказались самостоятельными, и обратившие Фракию в провинцию римляне были вынуждены применяться к данной ситуации⁷⁴. Есть, однако, и еще более яркий пример – Египет, где обратившие его в провинцию римляне, по сути дела, стимулировали разложение трехтысячелетнего государственного сектора экономики и трансформацию египетских городов в эллинизированные подобию полисов, преимущественно из удобства управления через их посредство⁷⁵. Обратный пример дает нам Парфянское царство, где с царствования Артабана II полисы перестают быть силой, связанной с царями узлами взаимной лояльности, и теряют свою автономию⁷⁶. Можно ли считать продолжением практики эллинизма на этапе после Апамейского мира опору царской или имперской власти исключительно на полисы или их аналоги, с минимизацией собственной роли в управлении и экономике, или, напротив, «задавливание» полисов, при преобладающей роли подчиненных царям структур? Как кажется, ситуация высокого эллинизма предполагала если не в точном смысле равновесие, то во всяком случае некое оптимальное и взаимопольное взаимодействие этих двух начал⁷⁷, которое должно было наследоваться и ситуацией постэллинизма, независимо от перехода политического господства от македонских к восточным династиям. Применительно к ситуации, в которой такое взаимодействие сходит на нет, вряд ли имеет смысл употреблять и термин «постэллинизм».

Наконец, стоит под несколько иным углом посмотреть на тезис

⁷⁴ Saprykin 2024a, 212–213; ср. Saprykin 2008, 231–233; 2020, 143–152.

⁷⁵ Diakonoff *et al.* 1989, v. 3, 80–87; ср. Bagnall 2021, 56–57, 92–95.

⁷⁶ Gaibov, Koshelenko, Serditykh 1992, 46.

⁷⁷ Казалось бы, противоречит этому суждению ситуация в птолемеевском Египте, где, как уже говорилось, полисов было мало и царской власти, тем самым, должно было принадлежать безусловное лидерство в экономике и социально-политических процессах едва ли не с начала эпохи эллинизма. Стоит, однако, вспомнить о роли, которую община Александрии играла в целом ряде политических ситуаций II–I вв. до н.э. (Hölbl 2001, 145–146, 183, 191, 213–214, 222, 227). Кроме того, греко-македонское население Египта было объединено уже упоминавшейся «мегаобщиной», сформированной вокруг системы царского культа, целым рядом ассоциаций (Klörrenborg 2020), а также собственно государственными структурами, укомплектованными его представителями и в значительной мере отражавшими его интересы.

Г.А. Кошеленко о том, что постэллинизм оказывается временем особенно активного и широкого культурного синтеза: обратим внимание, что именно тогда, начиная со II в. до н.э., начинается широкая трансляция восточных культов по Средиземноморью, достигающая максимума в эпоху тесной интеграции этого макрорегиона в римское время⁷⁸. Вряд ли допущение Кошеленко о том, что падение «барьеров» между греками и людьми Востока стимулировало межкультурный синтез, объяснит этот процесс: так, в Египте этот барьер едва ли стал слабее, при том что египетские по своему происхождению культы Сараписа и Исиды стали на этом этапе распространяться очень широко. На наш взгляд, применительно к этим этапу и качеству взаимодействия с восточной традицией необходимо учитывать состояние ее «рецептора», то есть греческих полисов и с течением времени римских муниципиев. Они, безусловно, оставались базовыми ячейками античного общества, однако интеграция в них их граждан ослабла, значение полисных культов снизилось, и люди греческой и, шире, античной культуры стали нуждаться в новом объединяющем начале, каковым и стали восточные религии с формируемыми ими структурами. Эта их потребность вписывается в общемировую тенденцию, часто характеризуемую введенным К. Ясперсом термином «осевое время»; в свое время хорошо ее уловил классик российского антиковедения Ф.Ф. Зелинский, назвавший культы, распространявшиеся по эллинистическо-римскому Средиземноморью «соперниками христианства»⁷⁹ (см. также наш текст далее).

* * *

Выше мы высказали мнение по поводу ряда суждений наших коллег в связи с понятием эллинизма, которые прозвучали в целом в течение последних десятилетий. То, что именно вокруг этого понятия стал разворачиваться некий новый историографический процесс, в общем, не вызывает удивления: как было признано еще на исходе советского времени (см. наше прим. 47), обсуждение этого понятия А.Б. Рановичем и К.К. Зельным не привело к решающему результату, и институционализация уже постсоветской науки о древности в 2000-е гг. открыла возможность это обсуждение возобновить. Вместе с тем правомерно задать неожиданный вопрос: в какой мере данный историографический процесс можно назвать в точном смысле слова полемикой? Заметим, что это понятие не вполне приложимо и к соприкосновению позиций Рановича и Зельна в 1950-е гг.: как известно, первый из этих ученых умер в 1948 г., а критические замечания второго по поводу его позиции были высказаны лишь в 1951 г.⁸⁰, так

⁷⁸ Литература по этой проблематике поистине безбрежна, достаточно назвать две научные серии, публикующие по ней работы – *Études préliminaires aux religions orientales dans l'Empire romain* и *Religions in the Graeco-Roman World* (обе издательства Brill, Leiden).

⁷⁹ Zelinskiy 1995.

⁸⁰ Zel'in 1951.

что в лучшем случае можно говорить о заочной полемике между ними. Тем не менее противоположность высказанных этими учеными тезисов была очевидна. Иначе обстоит дело с тезисами, сформулированными в течение последнего десятилетия: казалось бы, их авторы и спорят друг с другом⁸¹, порой даже эмоционально, однако беспристрастный анализ показывает, что их мнения, на самом деле, не противоречат друг другу. Так, автор этих строк не согласен с И.Е. Суриковым в определении того, какой именно процесс в мировоззренческой сфере был основой кризиса греческого полиса, однако, как было сказано выше, признает, что речь должна идти именно о мировоззренческом процессе; сам же Игорь Евгеньевич не спорит с нашим мнением, что наступление эллинизма для греческого мира было формой выхода полиса из кризиса. Этому мнению, казалось бы, противопоставлены суждения А.С. Балахванцева о том, что эллинизм – это серьезная социально-экономическая трансформация обществ Ближнего и Среднего Востока, и С.Ю. Сапрыкина – что это формирование системы отношений между царской властью, опирающейся на подчиненную ей экономику, и полисами. Однако мы не только не станем спорить с этими суждениями, но и признаем их справедливость⁸² – применительно к явлениям, относительно которых они высказаны, точно так же как и свое суждение об эллинизме как о форме выхода позднеклассического полиса из кризиса мы не распространяем за пределы явлений греческого мира! Такая реальная совместимость разных мнений, высказанных в рамках нынешней дискуссии, может убедить только в одном: ни одно из них не охватывает предмет этой дискуссии – понятие эллинизма – во всей его возможной полноте.

В определенной мере недостаточная комплексность в подходе к трактовке этого понятия была замечена в небольшой статье Р.В. Зарапина, отталкивавшегося, кстати, от позиций Рановича и Зельина, а не участников нынешней дискуссии: по его мнению, базовыми явлениями эллинизма оказываются греко-восточный синтез и формирование, в том числе на его основе, специфических политических структур, однако ключом к их изучению будет региональный подход, предполагающий «объединение» эллинистических государств в «условные региональные группы», что позволило бы как исследовать отдельные

⁸¹ Так, А.С. Балахванцев категорически возражал И.Е. Сурикову в вопросе о том, что наступление эллинизма проявилось прежде всего в греческом мире и в явлениях духовной сферы: Balakhvantsev 2020, 24–25; см. в связи с этим, в частности, наше прим. 48.

⁸² Оговорим, правда, что не понимаем утверждение С.Ю. Сапрыкина о необходимости «оспорить тезис И.А. Ладынина, который считает эллинизм этапом в развитии рабовладельческого общества, но не рабовладения как такового» (Saprykin 2024b, 382). Такой тезис, встретясь он нам в чьей-либо работе, показался бы как минимум парадоксальным; однако мы его не высказывали, а в известной С.Ю. Сапрыкину нашей статье 2018 г. слово «рабовладение» и производные от него вообще применяются лишь при характеристике позиции А.Б. Рановича. Ср., впрочем, наше прим. 20.

государства, так и «выделить моменты, общие для всех стран региона»⁸³. Думается, именно этот подход попытался развить О.Л. Габелко в своем докладе «Эллинистический мир как “единство многообразия”: новый концептуальный подход», прозвучавшем на XXIII Сергеевских чтениях (исторический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, январь 2025 г.)⁸⁴. Своим построениям исследователь предпосылает определение, которое, похоже, призвано поглотить все высказывавшиеся до этого его трактовки понятия эллинизма: «Эллинизм – это монархическо-полисное греко-варварское общество, возникающее после и вследствие походов Александра Македонского и войн диадохов, которое характеризовалось взаимодействием и синтезом разноэтнических элементов во всех сферах жизни (государственность, социально-экономические отношения, религия, культура, идеология, повседневность) и существовало в различных вариантах в ряде регионов Средиземноморья, Восточной Европы, Переднего и Среднего Востока, Центральной Азии в разные периоды времени вплоть до первых десятилетий III в. н.э.». В контексте этого определения О.Л. Габелко предложил классификацию форм эллинистического межкультурного синтеза на пять региональных вариантов.

Предложенное О.Л. Габелко определение вызывает серьезные вопросы с точки зрения самой формулировки. Оно включает в себя три признака, каждый из которых сужает поле предыдущего: «монархическо-полисное общество» – генезис в связи с походами Александра – наличие греко-варварского синтеза. Не будем сейчас говорить о том, что эти признаки подобраны по не связанным между собой критериям, что в общем нарушает принципы строгой классификации: однако как быть со структурами, в которых этот набор признаков проявляется неполно? «Монархическо-полисное общество» без греко-варварского синтеза, сложившееся, в общем, вне прямой связи с походами Александра, мы видим в Македонии и Эпире⁸⁵; отказываем ли мы им в качестве эллинистических структур или, наоборот, признаем эллинистическими еще до походов Александра? Более полный набор этих признаков – сочетание «монархическо-полисного общества» и «греко-варварского синтеза» мы видим в области греческого расселения в Малой Азии, соприкасавшейся с восточным Hinterland’ом, начиная с ее подчинения Крёзом и безусловно при Ахеменидах еще до походов Александра⁸⁶; признаем ли мы существование уже в это время

⁸³ Zarapin 2020.

⁸⁴ На сегодняшний день опубликованы только краткие тезисы этого доклада (Gabelko 2025), однако его автор обсуждал с нами его положения и любезно предоставил нам его презентацию, дающую полное представление о его содержании и концепции.

⁸⁵ Borza 1992; Hammond, Lemprière 1967.

⁸⁶ Marek 2017, 164–231. Обратим в связи с этим внимание на следующий момент: в своей докторской диссертации сам О.Л. Габелко подробно показал наличие в Малой Азии феноменов, с одной стороны, раннего взаимодействия греческого и местных начал, начавшегося в некоторых регионах (Кария, Ликия) еще на этапе интеграции этого региона в Ахеменидскую державу, а с

в этих областях эллинизма или, на основании проявившихся там двух важнейших признаков, присвоим им почетное звание «кандидатов в эллинистические структуры»? Позднее «монархическо-полисное общество» с «греко-варварским синтезом» мы увидим в западной части державы Маурьев, причем присутствие греков на этих землях прямо связано с походом Александра⁸⁷, а греческие города сохранились здесь, судя по некоторым свидетельствам, и около рубежа н.э., весьма вероятно, сохраняя затем свою специфику в составе Индо-Парфянского и Кушанского царств⁸⁸; значит ли это, что эти державы мы тоже признаем эллинистическими? Возможно, автор этого определения скажет, что понятие «монархическо-полисного общества» предполагает высокую автономию полисов; неясно, имелась ли она у греческих городов в государствах Западной Индии первых веков н.э., хотя в децентрализованной монархии Маурьев явно должна была сохраняться; но разве этот момент в самом деле определит квалификацию таких структур как эллинистических? Что касается греко-варварского взаимодействия вообще, в том числе оборачивающегося культурным синтезом, оно происходило во всех зонах греческой колонизации, и его проявления, например, в Северном Причерноморье хрестоматийно известны.

Трудно согласиться с нашим коллегой и когда он ищет в эпоху эллинизма некое новое качество, говоря о появлении «более крупных и устойчивых, чем ранее, государственных объединений, нередко с единоличной формой правления», а также о «постепенном формировании новых социально-экономических отношений и институтов, развитии царской собственности на землю, эволюции рабства и иных форм зависимости». Межрегиональные государства существовали на Ближнем и Среднем Востоке опять же задолго до Александра и диадохов, причем держава Ахеменидов дает гораздо лучший пример их

другой – формированием на этом же этапе специфической локальной традиции в наименее эллинизированных областях (Вифиния, Пафлагония, Понтийская и Великая Каппадокия – области т.н. «анатолийского этнополитического койне», или АЭК; Gabelko 2006, 15–16). В контексте своей нынешней классификации структур эпохи эллинизма исследователь относит регионы второй категории к «зоне уравновешенного синтеза» (включая в нее также и Пергам, который в своей диссертации он относил к первой категории), а регионы первой категории – как можно понять, к «зоне с преобладанием греческих полисных и монархических институтов». Думается, что именно удачные построения нашего коллеги в диссертации побуждают задать закономерный вопрос: надо ли вообще считать соотношение греческих и местных начал в Малой Азии и, в частности, в ареале АЭК плодом эллинизма и частью этого явления? Не стоит ли связать интеграцию этого ареала в эллинистическую ойкумену с неизбежными на этапе становления ее великих государств (прежде всего, державы Селевкидов) политическими и династическими (удачно прослеженными именно О.Л. Габелко: Gabelko 2005; 2006, 31–34) манипуляциями и формальными заимствованиями (Gabelko 2006, 37) и не примешивать сюда вопрос о межкультурном синтезе, особенности которого наметились значительно раньше?

⁸⁷ Karttunen 1997, 257–264.

⁸⁸ Так, Александрия в Арахосии (будущий Кандагар) упоминается Исидором Харакским («Парфянские стоянки», гл. 19) под названием Александрополь как греческий город применительно к ситуации рубежа н.э.: Schoff 1914, 8–9.

стабильности, чем держава Селевкидов; с еще более ранних времен на Востоке существовала царская собственность на землю⁸⁹; а о проблематичности качественной эволюции рабства в эпоху эллинизма говорил еще К.К. Зельин, возражая А.Б. Рановичу. Явления, которые О.Л. Габелко учел в своей трактовке как диагностические признаки эллинизма, существовали и до этой эпохи, а приобретение ими некоего нового качества именно после походов Александра необходимо доказывать, и в слишком многих случаях такое доказательство, на наш взгляд, не вознаградится успехом. Что же касается построенной нашим коллегой классификации региональных форм греко-восточного (или, если угодно, греко-варварского) синтеза, она, наверное, может конкретизировать суждение о значимости такого синтеза в эпоху эллинизма, высказанное еще К.К. Зельиным (а до него – и самим Дройзенем) и вообще-то никогда не казавшееся спорным; но как отнестись, например, к объединению в этой классификации в один тип эллинистического синтеза птолемеевского Египта, с одной стороны, и Греко-Бактрии и Греко-Индийского царства – с другой? Неужели в последних всеобъемлющее государственное регулирование экономики было развито в той же мере, что в египетском домене державы Птолемеев? Каким образом можно «подвести» под пресловутое определение «монархическо-полисного общества» Иллирию и кельтский ареал на западе Балкан? Думается, что проведенная О.Л. Габелко классификация соотносится с действительно насущной необходимостью учета при обращении к понятию эллинизма огромного объема материала с региональной спецификой; однако критерии такой классификации и ее проекция в сферу обобщений оказываются все же расплывчатыми.

Так или иначе, предпринятый нашим коллегой опыт был вдохновлен уверенностью в необходимости предложить некое единое и отвечающее нынешнему уровню научного знания определение эллинизма; и этот опыт дает повод вернуться к не очень привычному в нашем антиковедении разговору об истоках такой уверенности. Обратим внимание на следующее: Дройзен поступал как истинный гегельянец, когда встраивал явление эллинизма в некий процесс, детерминантой которого, причем единственной, был духовный фактор в его проекции на сферу религии и мировоззрения. Точно так же для Рановича, в согласии с методологией марксизма, единственной движущей силой исторического процесса была эволюция экономики и отношений между классами, что и приводило его к мысли об эллинизме как об этапе развития рабовладения; а Зельин, не видя проявлений в эпохе эллинизма признаков такого этапа и потому отказывая ему в качестве исторического этапа вообще, тоже поступал как добросовестный марксист. Нам уже приходилось говорить, что даже продекларировавшие принятие позиции Зельина исследователи (как в определенной мере и он сам) не могут

⁸⁹ См. о ее генезисе еще на этапе возникновения государства: Diakonoff *et al.*, v. 1, 39–49.

отрешиться от восприятия эллинизма именно как этапа⁹⁰; однако при этом они, с одной стороны, явно считают слишком простым сказать, что это «время после Александра», а с другой, не будучи ни гегельянцами, ни (по крайней мере в нынешней фазе их научного пути) марксистами, теряются в определении процесса, этапом которого можно было бы считать эллинизм. Но почему это должен быть какой-то один процесс? Не стоит ли отказаться от поиска одной детерминанты, на основе которой можно было бы определить пресловутую сущность эллинизма, и признать, что мы имеем дело с целым рядом исходно достаточно разнородных процессов, каждый со своей логикой, которые совместились – действительно, именно после успеха (на самом деле, не предрешенного⁹¹) походов Александра и прежде всего в результате его свершений – в рамках ойкумены, интегрированной, как уже говорилось, единой монархической традицией?

Вряд ли нам удастся обозначить все процессы, которые следует иметь в виду в этой связи, в рамках одной публикации; однако прежде всего следует сказать, что их разнородность и разнонаправленность не следует преувеличивать, поскольку «триггером» целого ряда из них еще в первой половине I тыс. до н. э. стал переход человечества на Ближнем Востоке и в Средиземноморье к железному веку⁹². Общим прямым следствием этого стал качественный рост технической и военной мощи социумов, повышение уровня жизни людей и снижение их зависимости от природных флуктуаций, рост населения, расцвет городской жизни и товарного производства. В Греции этот процесс к концу архаической эпохи привел к становлению полиса, которое, как мы говорили, закономерно обернулось его кризисом; и мы уже постарались показать, какие именно модели, отчасти наметившиеся на этапе поздней классики, но полностью реализовавшиеся уже в эпоху эллинизма (возникновение надполисных союзов, протекторатов монархий по отношению к независимым полисам и их объединениям, прямое встраивание полисов в структуру эллинистических царств⁹³) содействовали преодолению кризиса полиса – пресловутому его превращению из «субъекта истории» в ее «объект», т.е. снятию с него уже непосильной нагрузки независимого государства. Именно в наступлении такого состояния полиса и состоит этапность времени эллинизма для греческого мира.

Однако полис – это лишь один из вариантов развития государств и обществ в западной части Старого Света в условиях железного века, наметившийся в

⁹⁰ Ladynin 2018, 189–190; 2024b, 68–70; ср. Surikov 2015, 20.

⁹¹ Ladynin 2018, 198–200; 2024b, 80–83.

⁹² Мы полностью согласны с суждениями И.М. Дьяконова о фундаментальном значении этой инновации в социальном и политическом развитии человечества Старого Света на втором этапе древней истории (Diakonoff *et al.* 1989, т. 2, 5–26; ср. Ladynin 2024a, 55–58, 60–61), и убеждены, что эвристический потенциал этих суждений, в особенности в связи с процессами, протекавшими в мировоззренческой сфере («осевым временем» К. Ясперса), раскрыт далеко не полностью.

⁹³ Ladynin 2018, 196–197, 199–200 ; 2024b, 78–79, 82–83.

ареале Средиземноморья в тех социумах, где первоначально существовавший государственный сектор экономики оказался сметен коллапсом бронзового века (в Греции) или же у них не было такой предыстории вообще (в Италии)⁹⁴. На Ближнем и Среднем Востоке становление товарной городской экономики и прочных торговых связей между разными регионами, обусловленных естественным разделением труда между ними, предопределило их масштабную политическую интеграцию в составе крупных надрегиональных государств (империй, или «мировых держав»)⁹⁵. Подчеркнем тот общеизвестный факт, что их возникновение пришлось задолго до эллинизма и исторически первым таким государством была сложившаяся в VIII в. до н.э. Новоассирийская держава; а преемственность от нее к Мидийской и Персидской державам и в дальнейшем к державам Александра и Селевкидов осознавалась, в частности, в концепции «царства Азии», присутствовавшей в античной традиции и имевшей свои аналогии в представлениях людей Востока⁹⁶. При этом завоевания Александра и переход межрегиональной азиатской державы под власть македонских династов не нарастили какого-то нового качества ее политической структуры и, в частности, не придали ей большей, по сравнению с державой Ахеменидов, прочности: скорее произошло наоборот по причине перенесения Селевкидами своей столицы из естественного центра своей державы в Месопотамию туда, где сосредотачивались их амбиции, – в Средиземноморье. Вместе с тем новое качество было, безусловно, привнесено на Ближний и Средний Восток широким распространением на его территории полисов и, одновременно, товарно-денежных отношений и монетизации, о чем мы уже говорили выше. Правда, при оценке этого необходимо внимательно и дифференцированно разбираться, в какой мере чеканка монеты была распространена в разных конкретных регионах и меняла их жизнь. Однако несомненно одно: монетизация интенсифицировала торговлю и в целом экономику, но она не могла бы быть воспринята, если бы восточные общества уже не были готовы к этому, если бы не было той сложной системы межрегиональных связей, которая сформировалась уже в новоассирийское время, – под воздействием все того же импульса, идущего от начала железного века.

Обратным по своей направленности процессом эллинистического времени было перенесение восточных по своему генезису структур на те территории, где ранее их не было. Так, О.Л. Габелко со ссылкой на Ю.Н. Кузьмина любезно сообщил автору настоящего доклада об эпиграфическом памятнике из Македонии, в котором фигурирует типично восточноэллинистическое обозначение категории зависимого населения *λαοί*⁹⁷; а С.Ю. Сапрыкин, как

⁹⁴ Diakonoff et al. 1989, v. 2, 18–24; Ladynin 2024a, 53–59.

⁹⁵ Diakonoff et al. 1989, v. 2, 15–18.

⁹⁶ Ladynin 2005; Oellig 2023.

⁹⁷ Лаои упоминаются во фрагментарной надписи из района Кирра, датируемой, видимо,

говорилось выше, придает в своей концепции большое значение формированию такого эллинистического института, как царское землевладение, в Понтийском и Боспорском царствах. Констатируя такие явления, не следует, однако, приписывать эллинизму некую эманацию, которая как-то самопроизвольно переносит на новую почву будто бы сопряженные с нею социальные структуры (тем более что, например, во Фракии эти структуры, по наблюдениям Сапрыкина, не прижились). Скорее следует думать о специфике ситуаций и мотивов, которые ориентировали правителей названных государств на создание структур, аналогичных восточноэллинистическим. Как Боспорское царство и Понт, так, в общем, и Македония были исторически сравнительно молодыми образованиями, к наступлению эллинизма только начавших превращаться в полноценные территориальные государства: естественно, что их правители нуждались в создании материальной опоры для своей власти. Нет сомнений, что первичной для появления в этих государствах ориентализирующих структур была именно эта нужда, а не принесшая их каким-то мистическим образом «эманация эллинизма», – хотя последний, конечно, предоставлял для создания таких структур готовые и работоспособные модели.

Разумеется, у нас нет в мыслях оспаривать, что для эллинистического мира был характерен интенсивный культурный синтез, который был признан главным диагностическим признаком этого явления в концепции Зельина и региональную типологизацию которого предпринял О.Л. Габелко. Правда, в связи с этим необходимы некоторые оговорки, одну из которых мы уже делали: не надо переоценивать активность и масштаб восприятия греческой культуры народами Востока⁹⁸. Так, в частности, развитие древнеегипетской религии и тесно с нею связанных культуры и искусства идет в эпоху Птолемеев в целом по их собственным закономерностям, без особого воздействия эллинского начала, хотя и с поправкой на отдаление чужеземных правителей от их египетских подданных, на сомнения в их способностях осуществлять миссию царей-ритуалистов и на определенную деформацию исконных религиозных практик в фактическое отсутствие их главного агента. Вторая оговорка состоит в следующем: мы постоянно говорим о греко-восточном взаимодействии, значимом для нас как для наследников именно греческой цивилизации, но упускаем из виду, что на Ближнем и Среднем Востоке существовало множество культур, далеких друг от друга не меньше, чем каждая из них – от культуры греческой. Между тем взаимодействие между ними тоже происходило, причем оно началось опять же значительно раньше времени Александра, еще в рамках восточных межрегиональных держав: так, его важной предпосылкой стало превращение арамейских языка и письма в средство общения по всему этому региону начиная

первой половиной III в. до н.э. (*Epigraphes Katō Makedonias* II. 2. 401. l. 31).

⁹⁸ Ladynin 2018, 197–198; 2024b, 80.

с новоассирийского периода, а окончательно широкая и тесно интегрированная ойкумена Ближнего и Среднего Востока складывается в ахеменидское время. Несомненно, без доэллинистического этапа в сложении «единого мира» данного макрорегиона не было бы и известных нам интенсивных взаимодействий в эллинистическом мире.

В то же время мы не так часто задумываемся, что именно породило востребованность межкультурных контактов, о которых идет речь, и, в частности, широкого распространения культов благих божеств, которое мы видим начиная с эллинистического времени, и эпицентром которого были страны Востока. На наш взгляд, пресловутая «эманация эллинизма» и в этом случае была ни при чем: скорее следует задуматься о том, что к середине и второй половине I тыс. до н.э. повсеместно начинает слабеть связь людей с общинными структурами, в которые они изначально были интегрированы. Мы уже упомянули этот процесс применительно к Греции, где его фактором был кризис полиса; однако на Ближнем и Среднем Востоке его стимулировали болезненное имущественного расслоение и политика «мировых держав», ударявшая по традиционным общинным структурам и часто приводившая к их разрушению; а фокусом, к которому можно возвести все эти факторы, в конечном счете опять же оказываются процессы железного века. В греческом мире как в позднюю классику, так и в эпоху эллинизма множатся ситуации, в которых жизнь людей (например, торговцев или наемных воинов) предполагает их большую мобильность и протекает вообще вне полисных структур; несомненно, такой же мобильностью были отмечены и многие жизненные ситуации в «едином мире» Ахеменидской державы. Ослабление традиционных структур и интегрированности в них людей закономерно ведет, с одной стороны, к сокращению влияния древних ритуалистических религий, поддерживавшихся этими структурами, а с другой – к нарастанию потребности людей в моральной и социальной поддержке, которая исходила бы от новых религиозных течений (прежде всего, от культов благих божеств) и от новых структур, формирующихся вокруг них. Мы упомянули децентрализацию и отчасти деформацию религиозной жизни Египта под властью македонских царей: казалось бы, этот процесс подстегнуло именно начало эллинизма, но и он не является его сугубой принадлежностью, поскольку ситуации, когда место традиционных царей-ритуалистов (не только Египта, но и, например, в Вавилонии) занимали чужеземные завоеватели, систематически возникали и раньше в ходе экспансии «мировых держав» и иных процессов I тыс. до н. э. Собственно говоря, именно совокупность этих тенденций и определяет мировоззренческую ситуацию пресловутого «осевого времени» и востребованность того самого «греко-восточного синтеза» в религиозной сфере (на самом деле, более сложной системы взаимодействий, включающей также эволюцию религий и религиозные контакты внутри собственно мира Ближнего

и Среднего Востока), который считается приметой эллинизма и достигает максимума, как уже говорилось, в римское время.

Подводя некоторый итог нашим соображениям, можно сказать, что историческая ситуация, которую мы привыкли называть эллинизмом, состоит из проявлений сразу целого ряда процессов. Импульс практически ко всем ним был задан за несколько веков до этого тенденциями железного века, но все же они были разнородны и разворачивались по присущей им логике в разных регионах, пока их не совместила в рамках одной ойкумены такая колоссальная «случайность», как завоевание Александра. То, что часто принимается за единую сущность эллинизма, скорее следует считать конкретными формами, которые эти разнородные процессы приняли после времени Александра, – формами, действительно в значительной мере схожими по их причастности эллинской культуре, по той роли, которую в них играли заимствования, порожденные условиями межкультурного синтеза, и по обеспечивающей связь между этими процессами единой «рамке», сформированной македонской традицией царской власти. На наш взгляд, именно последний момент и должен определять финальную хронологическую границу эллинизма: говорить о его существовании применительно ко времени, когда в разных регионах перестает существовать политическая форма македонской в своей основе эллинистической царской власти и господство переходит к «постэллинистическим» восточным династиям или к Риму, едва ли имеет смысл.

В заключение вернемся к приведенным в начале нашей статьи словам У. Тарна об эллинизме как «условной этикетке» для цивилизации, сложившейся после времени Александра, и о невозможности подобрать для развивавшегося в ее условиях процесса «единое определение». Как видно из наших построений, в некотором смысле мы признаем справедливость этих слов, считая такое определение если не невозможным, то во всяком случае несравненно более обширным и распадающимся на отдельные составляющие, чем представлялось до сих пор. Недавно в частном разговоре наш коллега О.Л. Габелко усмотрел в том, чтобы «прятаться за афористичную фразу Тарна», проявление исследовательского малодушия. Напомним, однако, предшествующие этой фразе слова британского ученого: «Для того чтобы получить правильную картину, мы должны рассмотреть совокупность всех явлений...». Позволительно спросить, в чем больше малодушия, – в следующем этим словам комплексном и многофакторном, безусловно требующем коллективных усилий анализе процессов, совокупность которых мы привыкли обозначать понятием «эллинизм», или в продолжении попыток приписать этому понятию отсутствующую у него единую субстанциональность и вывести некую адекватную ей «золотую формулу», способную сменить концепцию Зельина? На этот вопрос каждый из исследователей этой

эпохи ответит себе сам.

ЛИТЕРАТУРА

- Andreau, J. 1991: [The Influence of M.I. Rostovtseff on the Development of the Western European and Northern American Science]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 166–176.
- Андро, Ж. Влияние М.И. Ростовцева на развитие западноевропейской и североамериканской науки. *ВДИ* 3, 166–176.
- Archibald, Z.H., Davies, J.K., Gabrielsen, V. (eds.) 2011: *The Economies of Hellenistic Societies, Third to First Centuries BC*. Oxford.
- Bagnall, R.S. (ed.) 2021: *Roman Egypt. A History*. Cambridge.
- Balakhvantsev, A.S. 2020: [Disputes about Hellenism]. *Vostok (Oriens)* 4, 21–31.
<https://doi.org/10.31857/S086919080010805-2>.
- Балахванцев, А.С. Споры об эллинизме. *Восток (Oriens)* 4, 21–31.
- Bickerman, E. 1985: *Gosudarstvo Selevkidov* [The Seleucid Institutions]. Moscow.
- Бикерман, Э. *Государство Селевкидов*. М., 1985.
- Borza, Eu. N. 1992: *In the Shadow of Olympus: The Emergence of Macedon*. Princeton.
- Diakonoff, M.M. 1961: *Ocherk istorii drevnego Irana* [An Outline of the History of Ancient Iran]. Moscow.
- Дьяконов, М.М. *Очерк истории древнего Ирана*. М.
- Diakonoff I.M., Neronova V.D., Svetsitskaya I.S. (eds.) 1989: *Istoriya drevnego mira* [A History of the Ancient World]. 3 vols. 3rd ed. Moscow.
- Дьяконов, И.М., Неронова, В. Д., Свенцицкая, И. С. (ред.). *История древнего мира*. В 3 т. 3-е изд. М.
- Droyzen, I.G. 1890–1893: *Istoriya ellinizma* [History of Hellenism]. Vols. 1–3. Moscow.
- Дройзен, И.Г. *История эллинизма*. Т. 1–3. М..
- Dunand, Fr. 1973: *Le culte d'Isis dans le bassin oriental de la Méditerranée. 2. Le culte d'Isis en Grèce* (Études préliminaires aux religions orientales dans l'Empire romain 26/2). Leiden.
- Erschine, A. (ed.) 2003: *A Companion to the Hellenistic World*. Malden (Ma.); Oxford; Carlton (Va).
- Gabelko, O.L. 2005: [The Dynastic History of the Hellenistic Monarchies of Asia Minor by the Data of Georgius Synkellos Chronography]. *Antiquitas aeterna. Povolzhskiy antikovedcheskiy zhurnal* [Antiquitas aeterna. The Classical Journal of the Volga Region] 1. Kazan', 86–106.
- Габелко, О.Л. Династическая история эллинистических монархий Малой Азии по данным «Хронографии» Георгия Синкелла. *Antiquitas aeterna. Поволжский антиковедческий журнал* 1. Казань, 86–106.
- Gabelko, O.L. 2006: *Anatoliyskoye etnopoliticheskoye koyne i osobennosti ellinizma v Maloy Azii (na primere Vifiyskogo tsarstva)* [Anatolian Ethno-Political Koine and the Features of Hellenism in Asia Minor (on the Example of the Kingdom of Bithynia)]. Abstract of a Doctoral Dissertation. Kazan'.
- Габелко, О.Л. *Анатолийское этнополитическое койне и особенности эллинизма в Малой Азии (на примере Вифинского царства)*. Автореф. дисс.... д.и.н. Казань.
- Gabelko, O.L. 2009: [Once Again on the Problem of 'Pre-Hellenism']. In: *Politika, ideologiya, istoriopisanie v rimsko-ehllinisticheskom mire. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 100-letiyu so dnya rozhdeniya professora F.W. Walbanka* (Kazan', 9–11 dekabrya 2009 g.) [Politics, Ideology and History Writing in the Hellenistic and Roman World. Proceedings of the International Scholarly Conference Commemorating the 100th Anniversary of Prof. F.W. Walbank (Kazan', 9–11 December 2009)]. Kazan', 171–181.
- Габелко, О.Л. Еще раз о проблеме «предэллинизма». В сб.: *Политика, идеология, историописание в римско-эллинистическом мире. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Фрэнка Уильяма Уолбанка* (Казань, 9–11 декабря 2009 г.). Казань, 171–181.

- Gabelko, O.L. 2013: [Once Again on the Problem of 'Post-Hellenism']. In: *Istorik v istoricheskom i istoriograficheskom vremeni. Materialy Mezhdunarodnogo foruma, posvyashchennogo 100-letiyu so dnya rozhdeniya professora A.S. Shofmana. Kazan', 13-15 noyabrya 2013 g.* [Historian in the Historical and the Historiographical Times. Proceedings of the International Forum Commemorating the 100th Anniversary of Prof. A.S. Shofman. Kazan', 13–15 November 2013]. Kazan', 121–126.
- Габелко, О.Л. 2013: Еще раз о проблеме «постэллинизма». В сб.: *Историк в историческом и историографическом времени. Материалы Международного форума, посвященного 100-летию со дня рождения профессора А.С. Шофмана. Казань, 13-15 ноября 2013 г.* Казань, 121–126.
- Gabelko, O.L. 2018: [Polemic Notes on the Historical Destiny of Polis in the Time of Hellenism]. In: O.L. Gabelko et al. (eds.), *ΠΕΝΤΕΚΟΝΤΑΕΤΙΑ. Issledovaniya po antichnoi istorii i kul'ture. Sbornik, posvyashchenniy yubileyu Igorya Evgen'evicha Surikova* [ΠΕΝΤΕΚΟΝΤΑΕΤΙΑ. Studies in the Classical History and Culture. Papers in Honour of I.E. Surikov's Anniversary]. Moscow–Saint Petersburg, 180–190.
- Габелко, О.Л. Полемические заметки об исторических судьбах греческого полиса в эпоху эллинизма. В кн.: О.Л. Габелко и др. (ред.), *ΠΕΝΤΕΚΟΝΤΑΕΤΙΑ. Исследования по античной истории и культуре. Сборник, посвященный юбилею Игоря Евгеньевича Сурикова. М.; СПб.*, 180–190.
- Gabelko, O.L. 2025: [The Hellenistic World as a 'Unity in Diversity' A New Conceptual Approach]. In: *Vserossiiskaya nauchnaya konferentsiya "XXIII Sergeevskie chteniya". Sbornik tezisev* [The All-Russian Scholarly Conference "23rd Sergeev's Readings. Abstracts"]. Moscow, 54–55.
- Габелко, О.Л. Эллинистический мир как «единство многообразия»: новый концептуальный подход. В сб.: *Всероссийская научная конференция «XXIII Сергеевские чтения». Сборник тезисов.* М., 54–55.
- Gaibov V.G., Koshelenko G.A., Serditykh Z.V. 1992: [The Hellenistic East]. In: E.S. Golubtsova (ed.), *Ellinizm: vostok i zapad* [Hellenism: East and West]. Moscow, 10–59.
- Гаиров, В.Г., Кошеленко, Г.А., Сердитых, З.В. Эллинистический Восток. В кн.: Е.С. Голубцова (ред.), *Эллинизм: восток и запад.* М., 10–59.
- Giuman, M. 1999: Metamorfosi di una dea: Da Artemide ad Iside in un santuario di Dion. *Ostraka* 8, 427–446.
- Grandjean Y. 1975: *Une nouvelle arétalogie d'Isis à Maronée (Études préliminaires aux religions orientales dans l'Empire romain 49)*. Leiden.
- Hammond, N.G.L. 1989: *The Macedonian State: Origins, Institutions and History*. Oxford.
- Hammond, N.G.L., Lemprière, G. 1967: *Epirus: The Geography, the Ancient Remains, the History and the Topography of Epirus and Adjacent Areas*. Oxford.
- Hölbl, G. 2001: *A History of the Ptolemaic Empire*.
- Iossif, P., Lorber, C. 2021: Monetary Policies, Coin Production, and Currency Supply in the Seleucid and Ptolemaic Empires. In: C. Fischer-Bovet, S. von Reden (eds.), *Comparing the Ptolemaic and Seleucid Empires: Integration, Communication, and Resistance*. Cambridge, 191–230.
- Karttunen, K. 1997: *India and the Hellenistic World* (Studia Orientalia 83). Helsinki.
- Kirillova, M.N. 2020: ["I'm a Factlover": Sergey Zhebelyov and Soviet Ancient History in the Early 1930s]. *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal "Istoriya"* [The Journal of Education and Science "ISTORIYA" ("History")] 11/1(87). <https://doi.org/10.18254/S207987840008205-4>.
- Кириллова, М.Н. «Я – фактопоклонник»: С. А. Жебелёв и советская наука о древности в начале 1930-х гг. *Электронный научно-образовательный журнал «История»* 11/1(87).
- Kirillova, M.N. 2022: [The story of Zhebelev's best known article as told by its author. A postscript to "The last Paerisades and the Scythian rebellion in the Bosporan Kingdom"]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 82/2, 473–484. <https://doi.org/10.31857/S032103910020347-4>.

- Кириллова, М.Н. История самой известной статьи С.А. Жебелёва, рассказанная ее автором. Послесловие к статье «Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре». ВДИ 82/2, 473–484.
- Kudriavtsev, O.V. 1957. *Issledovaniia po istorii Balkano-Dunaiskikh oblastei v period Rimskoi imperii i stat'i po obshchim problemam drevnei istorii* [Studies in the History of the Balkan and Danube Provinces under the Roman Empire and Papers on the General Problems of Ancient History]. Moscow.
- Кудрявцев, О.В. Исследования по истории Балкано-Дунайских областей в период Римской империи и статьи по общим проблемам древней истории. М.
- Klimov, O.Yu. 2022: [Eduard Meyer. Life Devoted to Research.] In: Klimov, O.Yu. (ed.) *Eduard Meyer ob istorii, rabstve i ekonomike drevnikh obshchestv* [Eduard Meyer on History, Slavery and Economy of Ancient Societies]. Saint Petersburg, 7–91.
- Климов, О.Ю. Жизнь, посвященная науке. В кн.: О.Ю. Климов (ред.), *Эдуард Мейер об истории, рабстве и экономике древних обществ*. СПб., 7–91.
- Kloppenborg, J.S. 2020: *Greco-Roman Associations: Texts, Translations, and Commentary. III. Ptolemaic and Early Roman Egypt* (Beihefte zur Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft 246). Berlin–Boston.
- Koshelenko, G.A. 1983a: [Introduction. Ancient Greek polis.] In: E.S. Golubtsova (ed.), *Antichnaya Gretsia. Problemy razvitiia polisa* [Classical Greece. Problems of the polis' Development]. Vol. 1. Moscow, 9–36.
- Кошеленко, Г.А. Введение. Древнегреческий полис. В кн.: Е.С. Голубцова (ред.), *Античная Греция. Проблемы развития полиса*. Т. 1. М., 9–36.
- Koshelenko, G.A. 1983b: [The Greek polis and the Problems of Economic Development.] In: E.S. Golubtsova (ed.), *Antichnaya Gretsia. Problemy razvitiia polisa* [Classical Greece. Problems of the polis' Development]. Vol. 1. Moscow, 217–246.
- Кошеленко, Г.А. Греческий полис и проблемы развития экономики. В кн.: Е.С. Голубцова (ред.), *Античная Греция. Проблемы развития полиса*. Т. 1. М., 217–246.
- Koshelenko, G.A. 1990: [Hellenism: Disputes about the Essence]. In: E.S. Golubtsova (ed.), *Ellinizm: ekonomika, politika, kul'tura* [Hellenism: Economy, Politics, Culture]. Moscow, 7–13.
- Кошеленко, Г.А. Эллинизм: к спорам о сущности. В сб.: Е.С. Голубцова (ред.), *Эллинизм: экономика, политика, культура*. М., 7–13.
- Ladynin, I.A. 2004: [Main Stages of the Ptolemaic Royal Cult in the Context of the General Evolution of Egyptian Hellenism]. *Mnemon: Issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira* [Mnemon: Research and Publications on the History of the Ancient World] 3, 145–184.
- Ладынин, И.А. Основные этапы царского культа Птолемеев в контексте общей эволюции египетского эллинизма. *Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира* 3, 145–184.
- Ladynin, I.A. 2005: [The Ancient Topos of 'Dominion over Asia' and the Concept of Continuous Supra-Regional Statehood in the Near and Middle East in the 1st Millennium B.C.]. In: "Edubba vechna i postoyanna": *Materialy konferentsii, posvyashchennoy 90-letiyu so dnya rozhdeniya I.M. D'yakonova* ["Edubba is Eternal and Constant": Proceedings of the Conference Dedicated to the 90th Anniversary of I.M. Dyakonov]. Saint Petersburg, 151–160.
- Ладынин, И.А. Античный топос «владычества над Азией» и концепция непрерывной надрегиональной государственности на Ближнем и Среднем Востоке в I тыс. до н. э. В сб.: «Эдубба вечна и постоянна»: *Материалы конференции, посвященной 90-летию со дня рождения И.М. Дьяконова*. СПб., 151–160.
- Ladynin, I.A. 2006: [The Concept of χώρα δορίκτητος and the Genesis of Hellenistic Royal Power (The Age of Alexander the Great and the Diadochi)]. In: *Istoricheskoye znaniye: teoreticheskiye osnovaniya i kommunikativnyye praktiki. Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, Kazan', 5–7 oktyabrya 2006 g.* [Historical Knowledge: Theoretical Foundations and Communicative Practices. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference, Kazan, October 5–7, 2006]. Moscow, 362–365.

- Ладынин, И.А. Понятие $\chi\omicron\rho\alpha$ $\delta\omicron\rho\iota\kappa\tau\eta\tau\omicron\varsigma$ и генезис эллинистической царской власти (эпоха Александра Великого и диадохов). В сб.: *Историческое знание: теоретические основания и коммуникативные практики. Материалы Всероссийской научной конференции, Казань, 5–7 октября 2006 г.* М., 362–365.
- Ladynin, I.A. 2016a: [Egyptian and Greek Components in the Life-Time Cult of Alexander the Great]. In: S. Yu. Saprykin, I.A. Ladynin (eds.), *“Bogi sredi lyudey”: Kul’t praviteley v ellinisticheskom, postellinisticheskom i rimskom mire (Trudy Istoricheskogo fakul’teta MGU imeni M.V. Lomonosova 82; Ser. II: Istoricheskie issledovaniya 39)* [‘Gods among Men’: The Rulers’ Cult in the Hellenistic, Post-Hellenistic and Roman World (Works of the Faculty of History, Lomonosov Moscow State University 82. Series II. Historical Studies 39)]. Moscow, 191–229.
- Ладынин, И.А. Египетские и греческие составляющие в прижизненном царском культа Александра Великого В кн.: С. Ю. Сапрыкин, И. А. Ладынин (ред.). *«Боги среди людей»: Культ правителей в эллинистическом, постэллинистическом и римском мире (Труды исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова 82; Серия II: Исторические исследования 39)*. М.—СПб., 191–229.
- Ladynin, I.A. 2016b: [The Dynastic Cult and the Eponymous Priesthood of the Ptolemies]. In: S. Yu. Saprykin, I.A. Ladynin (eds.), *“Bogi sredi lyudey”: Kul’t praviteley v ellinisticheskom, postellinisticheskom i rimskom mire (Trudy Istoricheskogo fakul’teta MGU imeni M.V. Lomonosova 82; Ser. II: Istoricheskie issledovaniya 39)* [‘Gods among Men’: The Rulers’ Cult in the Hellenistic, Post-Hellenistic and Roman World (Works of the Faculty of History, Lomonosov Moscow State University 82. Series II. Historical Studies 39)]. Moscow, 265–312.
- Ладынин, И.А. Династический культ и эпонимное жречество Птолемеев. В кн.: С. Ю. Сапрыкин, И. А. Ладынин (ред.). *«Боги среди людей»: Культ правителей в эллинистическом, постэллинистическом и римском мире (Труды исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова 82; Серия II: Исторические исследования 39)*. М.—СПб., 265–312.
- Ladynin, I.A. 2018: [The Concept of Hellenism in Soviet and Post-Soviet Historiography: Stadiality and Regularity or Historical Concreteness and Chance?]. *Dialog so vremenem [Dialogue with Time]* 65, 185–206. <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2018.65.20769>
- Ладынин, И.А. Понятие эллинизма в советской и постсоветской историографии: стадильность и закономерность или историческая конкретность и случайность? *Диалог со временем* 65, 185–206.
- Ladynin, I.A. 2024a: [The Ancient Greek Polis: From Homoarchy to Heterarchy and Back]. In: D.M. Bondarenko, G.V. Aleksandrov (eds.), *Printsipy i formy sotsiokul’turnoy organizatsii: istoricheskie konteksty vzaimodeystviya [Principles and Forms of Sociocultural Organization: Historical Contexts of Interaction]*. Moscow, 51–79.
- Ладынин, И.А. Древнегреческий полис: от гомоархии к гетерархии и обратно. В кн.: Д.М. Бондаренко, Г.В. Александрова (ред.), *Принципы и формы социокультурной организации: исторические контексты взаимодействия*. М., 51–79.
- Ladynin, I.A. 2024b: *Ocherki po istorii sovetской nauki o drevnosti [Essays on the History of Soviet Studies of Antiquity]*. (Trudy Istoricheskogo fakul’teta MGU imeni M.V. Lomonosova 249; Ser. II: Istoricheskie issledovaniya 172) [Works of the Faculty of History, Lomonosov Moscow State University 249. Series II. Historical Studies 172]. Moscow.
- Ладынин, И.А. *Очерки по истории советской науки о древности*. (Труды исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова 249; Исторические исследования 172). М.
- Ladynin, I.A., Nemirovsky, A.A. 2018: Manetho and His Work in a New Monograph. Dillery, J. *Clio’s Other Sons. Berossus and Manetho: A Discussion of the First Written Histories of Babylon and Egypt*. Ann Arbor, 2015. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 78/4, 1032–1052. <https://doi.org/10.31857/S032103910002918-2>.
- Ладынин, И.А., Немировский, А.А. Манефон и его труд в новом монографическом исследовании. J. Dillery. *Clio’s Other Sons. Berossus and Manetho A Discussion of the First*

- Written Histories of Babylon and Egypt. Ann Arbor, 2015. ВДИ 78/4, 1032–1052.
- Marek, Ch. 2017: *Geschichte Kleinasiens in der Antike*. 3rd ed. München.
- Meadows, A. 2013: The Ptolemaic League of the Islanders. In: K. Buraselis, M. Stefanou, D.J. Thompson (eds.), *The Ptolemies, the Sea and the Nile: Studies in Waterborne Power*. Cambridge, 19–38.
- Meyer, Ed. 2022a: Theoretical and Methodological Issues of History. Philosophical and Historical Studies. In: O.Yu. Klimov (ed.), *Eduard Meyer ob istorii, rabstve i ekonomike drevnikh obshchestv* [*Eduard Meyer on History, Slavery and Economy of Ancient Societies*]. Saint Petersburg, 91–156.
- Мейер, Эд. Теоретические и методологические вопросы истории. Философско-исторические исследования. В кн.: О.Ю. Климов (ред.), *Эдуард Мейер об истории, рабстве и экономике древних обществ*. СПб., 91–156.
- Meyer, Ed. 2022b: [The Economic Development of the Ancient World.] In: O.Yu. Klimov (ed.), *Eduard Meyer ob istorii, rabstve i ekonomike drevnikh obshchestv* [*Eduard Meyer on History, Slavery and Economy of Ancient Societies*]. St. Petersburg, 157–250.
- Мейер, Эд. Экономическое развитие древнего мира. В кн.: О.Ю. Климов (ред.), *Эдуард Мейер об истории, рабстве и экономике древних обществ*. СПб., 157–250.
- Oellig, M. 2023: *Die Sukzession von Weltreichen. Zu den antiken Wurzeln einer geschichtsmächtigen Idee. (Oriens et Occidens 38)*. Stuttgart.
- Olbrycht, M.J. 2010: Macedonia and Persia. In: J. Roisman, I. Worthington (eds.), *A Companion to Ancient Macedonia*. Malden–Oxford, 342–369.
- Olbrycht, M.J. 2014: “An Admirer of Persian Ways”: Alexander the Great’s Reforms in Parthia–Hyrcania and the Iranian Heritage. In: T. Daryaee, A. Mousavi, K. Rezakhani (eds.), *Excavating an Empire: Achaemenid Persia in Longue Durée*. Costa Mesa, 37–62.
- Pakkanen, P. 1995: *Interpreting Early Hellenistic Religion: A Study Based on the Mystery Cult of Demeter and the Cult of Isis*. Helsinki.
- Pavlovskaya 1998: [“From Citizen to Subject” – Did This Process Take Place in Greece in the 4th Century B.C.?]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 4, 15–30.
- Павловская, А.И. «От гражданина к подданному» – имел ли место этот процесс в Греции в IV в. до н.э.? ВДИ 4, 15–30.
- Ranovich, A.B. 1950: *Ellinizm i yego istoricheskaya rol'* [*Hellenism and Its Historical Role*]. Moscow–Leningrad.
- Ранович, А.Б. Эллинизм и его историческая роль. М.–Л. Rostovtzeff, M.I. 1928a: Ptolemaic Egypt. In: S.A. Cook et al. (eds), *The Cambridge Ancient History. Vol. VII. The Hellenistic Monarchies and the Rise of Rome*. Cambridge, 109–154.
- Rostovtzeff, M.I. 1928b: Syria and the East. In: S.A. Cook et al. (eds), *The Cambridge Ancient History. Vol. VII. The Hellenistic Monarchies and the Rise of Rome*. Cambridge, 155–196.
- Rostovtzeff, M.I. 1941: *The Social and Economic History of the Hellenistic World*. Vols. 1–3. Oxford.
- Rostovtzeff, M.I. 2003: [Hellenism as a Term. Characteristic Features of This Epoch and the Significance of Hellenism in the History of Mankind]. In: G.M. Bongard-Levin, Yu.N. Litvinenko (eds.), *Parfyanskiy vystrel* [*The Parthian Shot*]. Moscow, 309–317.
- Ростовцев, М.И. Эллинизм как термин. Характерные черты этой эпохи и значение эллинизма в истории человечества. В кн.: Г.М. Бонгард-Левин, Ю.Н. Литвиненко (ред.). *Парфянский выстрел*. М., 309–317.
- Salditt-Trappmann, R. 1970: *Tempel der ägyptischen Götter in Griechenland und an der Westküste Kleinasiens (Études préliminaires aux religions orientales dans l'Empire romain 15)*. Leiden.
- Saprykin, S.Yu. 2008: [On the Chronological Boundaries of the Notion of Hellenism]. In: A.Yu. Dvornichenko (ed.), *Istoriya: mir proshlogo v sovremennom osveshchenii. Sbornik nauchnykh statey k 75-letiyu so dnya rozhdeniya prof. E.D. Frolova* [*History: The World of the Past in Modern Interpretation. Collection of Scientific Articles for the 75th Anniversary of Prof. E.D. Frolov*]. Saint Petersburg, 213–234.
- Сапрыкин, С.Ю. О хронологических границах понятия эллинизма. В сб.: А.Ю. Двор-

- ниченко (ред.), *История: мир прошлого в современном освещении. Сборник научных статей к 75-летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова*. СПб., 213–234.
- Saprykin, S.Yu. 2018: [Hellenism in the Pontic Region]. *Bosporskiye issledovaniya* [*Bosporos Studies*] 35, 126–168.
- Сапрыкин, С.Ю. Эллинизм в Причерноморье. *Боспорские исследования* 35, 126–168.
- Saprykin, S.Yu. (ed.) 2024a: *Kafedra istorii drevnego mira istoricheskogo fakul'teta MGU (1934–2024 gg.)* (*Trudy Istoricheskogo fakul'teta MGU imeni M.V. Lomonosova* 250; Ser. II: *Istoricheskie issledovaniya* 173) [*The Department of Ancient History of the Faculty of History, Moscow State University (1934–2024) (Works of the Faculty of History, Lomonosov Moscow State University 250. Series II. Historical Studies 173)*]. Moscow.
- Сапрыкин, С.Ю. (отв. ред.). *Кафедра истории древнего мира исторического факультета МГУ (1934–2024 гг.)*. (Труды исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова 250; Серия II: Исторические исследования 173). М., 2024.
- Saprykin, S.Yu. 2024b: [Hellenism as a Social-Economic Phenomenon]. *Drevnosti Bospora* [*Antiquities of the Bosporus*] 29, 367–388. <https://doi.org/10.25681/IARAS.2024.978-5-94375-437-1.369-390>.
- Сапрыкин, С.Ю. Эллинизм как социально-экономическое явление. *Древности Боспора* 29, 367–388.
- Schneider H. 1990: Die Bücher-Meyer Kontroverse. In: Calder III W.M., Demandt A. (Hgg.). *Eduard Meyer. Leben und Leistung eines Universalhistorikers* (*Mnemosyne Supplementband*; 112). Leiden, 417–445.
- Shelov-Kovedyaev, F.V. 2025: [Once Again on “Proto-Hellenism” in the Bosporus]. In: *Istoricheskie, kul'turnye, mezhnatsional'nye, religioznye i politicheskie svyazi Kryma so Sredizemnomorskim regionom i stranami Vostoka. Materialy IX Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [*Historical, Cultural, International, Religious and Political Ties of the Crimea with the Mediterranean Region and the Countries of the East. Proceedings of the 9th International Scientific Conference*]. Vol. 1. Moscow, 232–236.
- Шелов-Коведяев, Ф.В. Снова о «протоэллинизме» на Боспоре. В сб.: *Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока. Материалы IX Международной научной конференции*. Т. 1. М., 232–236.
- Sizov, S.K. 2023: [E.A. Molev and the Discussion on “Proto-Hellenism” and Hellenism in the Bosporus]. In: *Professor Evgeniy Aleksandrovich Molev i sovremennye problemy antikovedeniya: Materialy nauchnoy konferentsii “Istoriko-arkheologicheskiy simpozium pamyati professora Evgeniya Aleksandrovicha Moleva”*, Institut mezhdunarodnykh otnosheniy i mirovoy istorii NNGU im. N.I. Lobachevskogo, Nizhniy Novgorod, 22 yanvarya 2022 g. [Professor Evgeniy Aleksandrovich Molev and Contemporary Problems of Classical Studies: Proceedings of the Scientific Conference “Historical and Archaeological Symposium in Memory of Professor Evgeniy Aleksandrovich Molev”, Institute of International Relations and World History, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, January 22, 2022]. Nizhny Novgorod, 133–151.
- Сизов, С.К. Е.А. Молев и дискуссия о «протоэллинизме» и эллинизме на Боспоре. В сб.: *Профессор Евгений Александрович Молев и современные проблемы антиковедения: Материалы научной конференции «Историко-археологический симпозиум памяти профессора Евгения Александровича Молева»*, Институт международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, 22 января 2022 г. Нижний Новгород, 133–151.
- Shtaerman, E.M. 1985: [From Citizen to Subject]. In: E.S. Golubtsova (ed.), *Kul'tura drevnego Rima* [*Culture of Ancient Rome*]. Vol. 1. Moscow, 22–105.
- Штаерман, Е.М. От гражданина к подданному. В кн.: Е.С. Голубцова (ред.), *Культура древнего Рима*. Т. 1. М., 22–105.
- Shtaerman, E.M. 1992: [Hellenism in Rome]. In: E.S. Golubtsova (ed.), *Ellinizm: vostok i zapad*

- [*Hellenism: East and West*]. Moscow, 140–176.
- Штаерман, Е.М. Эллинизм в Риме. В кн.: Е.С. Голубцова (ред.), *Эллинизм: восток и запад*. М., 140–176.
- Surikov, I.E. 2006: *Ostrakizm v Afinakh* [*Ostracism in Athens*]. Moscow.
- Суриков, И.Е. *Остракизм в Афинах*. М.
- Surikov, I.E. 2010: [The Greek Polis of the Archaic and Classical Epochs]. In: V.V. Dement'eva, I.E. Surikov (eds.), *Antichnyy polis* [*The Ancient Polis*]. Moscow, 8–54.
- Суриков, И.Е. Греческий полис архаической и классической эпох. В кн.: В.В. Дементьева, И.Е. Суриков (ред.), *Античный полис*. М., 8–54.
- Surikov, I.E. 2014: [Some Problems of Bosphoran Politogenesis in the 5th–4th Centuries BC (“A View from Hellas”)]. In: A.V. Podossinov, O.L. Gabelko (eds.), *Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy: 2012 god: Problemy ellinizma i obrazovaniya Bosporskogo tsarstva* [*The Earliest States of Eastern Europe: 2012: Problems of Hellenism and the Formation of the Bosphoran Kingdom*]. Moscow, 76–122.
- Суриков, И.Е. Некоторые проблемы боспорского политогенеза V–IV вв. до н.э. («Взгляд из Эллады»). В сб.: А.В. Подосинов, О.Л. Габелко (ред.), *Древнейшие государства Восточной Европы: 2012 год: Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства*. М., 76–122.
- Surikov, I.E. 2015: *Antichnaya Gretsia: politiki v kontekste epokhi: Na poroge novogo mira* [*Ancient Greece: Politicians in the Context of the Epoch: On the Threshold of a New World*]. Moscow.
- Суриков, И.Е. *Античная Греция: политики в контексте эпохи: На пороге нового мира*. М.
- Surikov, I.E. 2022: [On Some Peculiarities of Hellenistic Civilization: Polemical Notes]. *Vestnik RGGU. Seriya “Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya”* [RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies”] 2, 44–60. <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2022-2-44-60>
- Суриков, И.Е. О некоторых особенностях эллинистической цивилизации: полемические заметки. *Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»* 2, 44–60.
- Surikov, I.E. 2023: [Once Again on the “Disputes about Hellenism”]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [*Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*] 1, 92–107. <https://doi.org/10.25681/IARAS.2024.978-5-94375-437-1.369-390>.
- Суриков, И.Е. Вновь к «спорам об эллинизме». *ПИФК* 1, 92–107.
- Tarn, W.W. 1949: *Ellinisticheskaya tsivilizatsiya* [*Hellenistic Civilisation*]. Moscow.
- Тарн, В. *Эллинистическая цивилизация*. М.
- Utchenko, S.L. 1977: *Politicheskie ucheniya drevnego Rima. III–I vv. do n.e.* [*Political Doctrines of Ancient Rome. 3rd–1st Centuries B.C.*]. Moscow.
- Утченко, С.Л. *Политические учения древнего Рима. III–I вв. до н.э.* М.
- Zavoykin, A.A. 2007: [The Bosphoran Monarchy: From Polis Tyranny to a Territorial State]. In: A.A. Maslennikov, N.A. Gavrilyuk (eds.), *Antichnyy mir i varvary na yuge Rossii i Ukrainy: Ol'viya, Skifiya, Bospor* [*The Ancient World and the Barbarians in the South of Russia and Ukraine: Olbia, Scythia, Bosphorus*]. Zaporozhye, 219–243.
- Завойкин, А.А. Боспорская монархия: от полисной тирании к территориальной державе. В кн.: А.А. Масленников, Н.А. Гаврилюк (глав. ред.), *Античный мир и варвары на юге России и Украины: Ольвия, Скифия, Боспор*. Запорожье, 219–243.
- Zarapin, R.V. 2020: [Hellenism: On Disputes About the Definition]. In: N.I. Vinokurov (ed.), *Drevniy mir: istoriya i arkheologiya* [*The Ancient World: History and Archaeology*]. Moscow, 60–67.
- Зарапин, Р.В. Эллинизм: к спорам об определении. В сб.: Н.И. Винокуров (ред.), *Древний мир: история и археология*. М., 60–67.
- Zelinskiy, F.F. 1995: *Soperniki khristianstva* [*Rivals of Christianity*]. 2nd ed. Saint Petersburg.
- Зелинский, Ф.Ф. *Соперники христианства*. 2-е изд. СПб.
- Zel'in, K.K. 1951: [Review of: Ranovich, A.B. *Ellinizm i yego istoricheskaya rol'* (Hellenism and Its Historical Role). Moscow–Leningrad, 1950]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient*

- History*] 2, 142–150.
- Зельин, К.К. Рец.: Ранович, А.Б. Эллинизм и его историческая роль. М.–Л., 1950. *ВДИ* 2, 142–150.
- Zel'in, K.K. 1955: [Some Basic Problems of the History of Hellenism]. *Sovetskaya arkheologiya* [*Soviet Archaeology*] 22, 99–108.
- Зельин, К.К. Некоторые основные проблемы истории эллинизма. *Советская археология* 22, 99–108.
- Zhebelev, S.A. 1934: [Main Lines of the Economic Development of the Bosporan State]. *Izvestiya Akademii nauk SSSR* [*Bulletin of the Academy of Sciences of the USSR*] 8, 589–674.
- Жебелев, С.А. Основные линии экономического развития Боспорского государства. *Известия АН СССР* 8, 589–674.
- Zhmud, L. 2021: Mikhail Rostovtzeff and the Modernization of Antiquity. *Hyperboreus* 27/1, 115–133. <https://doi.org/10.36950/hyperboreus.zt4k-2157>.

